

18+

Надежда Трода

Белый Ковель

Надежда Грода Белый Ковель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51558293

ISBN 9785449836205

Аннотация

Во время Северной войны к местечку Смоляны приближаются две противоборствующие армии. Под давлением обстоятельств владельцы замка Белый Ковель прячут в его подземельях родовые сокровища. Тайна клада сохраняется в легендах, хорошо известных историкам, и в письмах, о которых знают только наследники хозяев замка. Спустя триста лет начинается охота за фамильными драгоценностями магнатов, и один из кладоискателей оказывается убит. Кто разгадает многовековую тайну, а потом и вычислит убийцу?

Содержание

Пролог	5
2007 год, декабрь	18
1707 год, декабрь	21
2008 год, июнь	26
1708 год, июнь	77
2008 год, июль	99
1708 год, июль	108
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Белый Ковель

Надежда Грода

© Надежда Грода, 2020

ISBN 978-5-4498-3620-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Майка, тихо! Не реви, кому я сказала!

Худенькая большеглазая невестка и не думала рыдать, но на всякий случай Антонина прикрикнула еще раз. Чтобы успокоить собственные нервы. Хотя уж лучше бы та заплакала, а то, похоже, она от ужаса даже пошевелиться не может, не то, что рот раскрыть. Забилась в угол и вцепилась в ребенка так, что даже пальцы побелели

– Майя. Майя! Успокойся, прошу тебя! Пока еще ничего не случилось, никого не убили.

Так, об этом она, кажется, зря упомянула. Сейчас девчонка и вовсе в обморок грохнетя. Сублильная и тоненькая до замужества с Антоном, после тяжелых родов она и вовсе стала прозрачной. Димке уже пять месяцев, а эта бедолага все никак не оправится. Дунь – и упадет.

– Майечка, детка, – голос Антонины стал мягким, обволакивающим, – послушай, у нас не так много времени. Прошу тебя, положи Димочку в кроватку, помоги мне собраться.

Слова достигали сознания невестки с явным трудом. Может, слишком сложно? Ладно, попробуем по одному действию за раз.

– Майечка, они ушли, больше не придут, все в порядке.

От напоминания о недавнем визите, та только сильнее вцепилась в ребенка. Ох ты, Господи!

– Майя, вставай.

О! Так лучше! Подействовало. Антонина помогла невестке подняться и добраться до детской кровати.

– Положи Димку, пускай поспит. Вот так. Молодец.

Усадив, наконец-то, молодую женщину за стол, она метнулась к аптечке. Сердечное? Успокоительное? А, к черту! Схватила бутылку сливки и щедро плеснула в чашку. Может, хоть это приведет ее в чувство? Дождавшись, пока щеки Майи чуть порозовели, а глаза стали более осмысленными – из них уже не плескал через край давешний ужас – Антонина принялась втолковывать:

– На улице мы не останемся, об этом и речи не идет. В городе полно пустующих домов, надо только выбрать подходящий. Этим я сейчас и займусь. Подыщу небольшой деревянный домик на окраине. Тройная выгода: оттуда нас точно никто не выселит – раз, там абсолютно нечего бомбить – это два, и самое главное – огород! Что теперь будет с продуктами – совершенно не ясно, так что лучше иметь собственное хозяйство.

Невестка явно оживала – во всяком случае, уже согласно кивала. Воспользовавшись достигнутым успехом, Антонина принялась деловито отдавать указания:

– Я пойду, а ты начинай собирать вещи. Документы, деньги, ваши кольца, мамины сережки – бери все, что имеет хоть какую-нибудь ценность. Детское. Зимние вещи – обязательно, кто знает, как дело пойдет. Упаковывай в узлы, смотри,

чтобы мы их с тобой могли донести – все-таки далековато. Посуду, белье – в последнюю очередь. Думаю, люди покидали город в такой спешке, что это добро с собой не увозили – найдем и на месте. Все поняла?

– Все.

Ну, слава Богу! Раз голос прорезался, значит, действительно ачуняла¹.

Антонина накинула темный платок и выскользнула за дверь. Надо торопиться – эти гады дали на выселение двадцать четыре часа. Вроде немало. Только вот большая часть из отпущенного времени приходится на ночь! Еще не хватало по темноте ходить – искать дополнительной беды на свои головы. Она быстро шагала по деревянному тротуару, пытаюсь успокоить теперь уже саму себя. Ничего. Не может быть, чтобы это надолго. Наши просто растерялись от такого вероломства. Неделя-другая – и они придут в себя, погонят этих прочь. Надо только перетерпеть. И – выжить! Сейчас это самое главное – найти укромную нору, забиться, затаиться. «Запастись едой! – сделала она себе зарубку в памяти, – сменять на муку, крупу все, что только получится!». А ведь как хорошо год начинался! Димка родился! Майка, конечно, девчонка совсем – едва девятнадцать стукнуло, так ведь и Антон не старик, всего двадцать два. Наоборот, хорошо – успеют побольше детишек нарожать! И где Антошка сейчас? Как в первый же день на призывной пункт ушел, так больше

¹ Ачуняць (бел.) – выздороветь, поправиться; (перен.) – прийти в себя.

и не видели. Нет, не думать об этом!

Кирпичные дома сменились деревянными, и она принялась заглядывать в палисадники, стараясь по внешнему виду двора определить, покинули хозяева это жилище или нет. Некоторые дома выглядели обитаемыми – тут тяжело свисает с веревок только что выстиранное белье. Вдоль соседнего забора вышагивают озабоченные куры. На другом крыльце, рядом с мисочкой, старательно вылизывает заднюю лапу кошка. А что ей? Не умываться что ли, раз война началась?

Другая часть хат – большая – была явно оставлена. Антонина озирала свидетельства той спешки, с которой люди покидали свое жилье. Распахнутые и мерно стучающиеся о стену дома двери. Одинокий – видимо, выроненный из тюка да незамеченный в суете – башмак. Занавеска, выдернутая ветром из окна и зацепившаяся ажурным краем за кровлю, так и висит безвольно, и некому ее отцепить. Антонина поеживалась – заходить в такие хаты не хотелось, смотришь – и тоска смертная охватывает. Мимо побыстрее б пройти, а не то что жить там!

Антонина свернула в следующий переулок, неожиданно оказавшийся коротеньким тупичком – противоположный его конец перекрывал высокий крепкий забор. Привстав на цыпочки, она с трудом заглянула поверх плотно пригнанных досок. Вот! То, что надо! Дом нежилой, это сразу чувствуется. Но покидал его рачительный хозяин. Ставни старательно закрыты и даже заложены брусом, дверь украшает

солидного вида замок. Даже горшки с комнатными цветами выставлены во двор – увезти их явно не было возможности, но и в комнатах погибать не оставили, вынесли под солнце и дождик – авось выживут.

Украдкой озирнувшись – заодно определив, что соседние дома тоже выглядят покинутыми – женщина откинула щеколду на калитке и быстро пересекла мощный булыжником двор. Ключ лежал там, где ему и положено быть – под крыльцом.

Платок у Антонины был повязан по-деревенски – под подбородком, и юбка одета до земли. Тут такое дело – чем неприметнее ты выглядишь, тем спокойнее дойдешь. Но вот улыбку ей убрать с лица все никак не удавалось. Нет, какая все-таки Майка молодец! Кто бы мог подумать, что непонятно зачем сунутые в тюк с Димкиной одеждой модельные лодочки – совершенно бесполезные по нынешним временам предметы! – удастся выменять на базаре на целых два десятка яиц и приличный кусок сала?! Да теперь две недели жить можно!

Вдалеке мелькнули выстроившиеся полукругом бело-снежные колонны, и ноги сами понесли Антонину знакомым маршрутом – немного не тем, что вел к их теперешнему обиталищу. Чтобы сократить путь, она свернула на тропку, ведущую через небольшой скверик к правому крылу Академии наук – именно там размещался Исторический архив. Место

ее работы. В прошлой жизни, не в этой. Впрочем, до архива дойти она не успела. Да и незачем было – его тоже переселили. В 24 часа. И теперь архивные документы валялись прямо на земле. Прошитые и пронумерованные дела свалены покосившимися стопками, деревянные ящики громоздятся друг на друга, и ветер заигрывает с разлетевшейся во все стороны бумагой, как с желтоватой опавшей листвой. Антонина машинально подняла бумажку, прибившуюся к ее подолу. Господи, архив Радзивиллов! Его и разобрать-то толком не успели! Отставив кошелку в сторону, она принялась торопливо подбирать листы.

– Эй! Ты чего там копаешься?

Грубый окрик заставил ее мгновенно надеть на лицо подобострастную маску.

– Так я ж для печки! Смотрю, листы ненужные валяются – дай, думаю, подберу. И мне хорошо, и панам-офицерам чисто!

Антонина инстинктивно подпустила простоватости в манеру речи и даже пару раз присела. Мол, простая деревенская баба, неграмотная, бумажки ей нужны вовсе не для чтения. Не задумываясь при этом, что автоматически ответила фрицу на хохдойче. А когда сообразила, то чуть было не расхохоталась. Еле успела себе рот зажать. Но солдата, слава Богу, эта несуразность вовсе не беспокоила. Действительно, чему тут удивляться? Не ему ж учить тарабарщину, на которой туземцы общаются. Во всяком случае, молодой немец

еще пару секунд потоптался на месте, а затем потопал назад, к бывшему архиву. Но расслабляться все равно не стоит. И фриц может передумать, да и не унесет она много – о папках или ящиках и речи быть не может. И Антонина принялась сноровисто подбирать листы, наметанным глазом мгновенно определяя наиболее древние.

Да уж, невестка даром времени не теряла – все принесенное разобрано, рассортировано и разложено. Окошки открыты и, кажется, даже пол помыт. Антонина потянула носом и сунулась на кухню. Точно! И картошку уже нажарила! Антонина поставила кошелку на пол и тяжело опустилась на стул вместе с остальной своей ношей. Майка тут же прилегла напротив и перегнулась через стол:

– Это что у тебя?

– В Академии наук тоже немцы расположились, весь архив на улице. Смотри, что мне удалось собрать! Письма канцлера Станислава Радзивилла! Переписка князя Кароля Сангушко!

– У нас керосин кончается, а печку топить нечем, я все задворки облазила – никаких запасов дров.

– Ты на что намекаешь? Жарить блины на документах, которым два с половиной века? Совсем с ума сошла?! Да в городе половина домов заброшена! Одними заборами всю зиму топить можно!

И бережно прижимая к груди свои драгоценные находки,

Антонина поспешила на чердак – спрятать от греха подальше!

– Тонь... – донесся снизу голос невестки. – Эти объявили, что всем надо вернуться на рабочие места. Ты пойдешь?

Антонина свесилась в чердачный люк:

– Майка, ты меня совсем не слушала? В архиве – немцы! Куда мне идти? Стол под елочками поставить и сидеть там, как гриб?

– Тонь, ты не сердись... Они обещали всем работающим выдавать продовольственные карточки...

Антонина спустилась по лестнице, тщательно задвинула засов на крышке и только тогда задумчиво ответила:

– Так это, может, тем, кто в мастерских работает. Или на заводах. Там реальная продукция, которая и немцам пригодится, а с меня какой толк?

Антонина с тревогой поглядывала на небо и все ускоряла шаг. Смешно. Как будто можно обогнать самолет. Хорошо, конечно, что наши на подходе. Однако когда на тебя падает бомба – все равно не будешь встречать ее с раскрытыми объятиями только потому, что она советская. Честно говоря, страшно до жути. Чтобы отвлечься от мысли об участвовавших бомбежках, она принялась составлять в уме список необходимых дел. «Карточки сегодня отоварить надо. Правда, опять дадут только хлеб и сироп. Картошка у нас есть. А огурцов мы с Майкой еще в сорок первом насолили, целую

бочку. Народ складывал растаскивал, а Майка увидела и не растерялась, платок с головы сдернула да прямо туда соли и насыпала. Так в узелке и принесла. Я ее отругала, а теперь вон как оно вышло – только рассолом от тех огурцов еду и приправляем. Завтра зарплата. Сорок рейхсмарок. Масла бы купить – Димке хорошо! И яиц. Гауляйтер Кубе цены заморозил – на одну рейхсмарку полагается два десятка. Только где ж их взять, эти два десятка? А на черном рынке курс один к одному. В смысле, за одну немецкую марку – одно яйцо».

Антонина свернула на Панцерштрассе и не удержалась – припустила бегом. Как всегда в последние дни. И перевела дух только когда тяжелые двери дома номер шесть, в котором теперь размещался Исторический архив Академии, надежно отгородили ее от улицы.

– Доброе утро, пани Антонина. Опять бежали?

– Доброе утро, пан директор.

Сверкнул очками. Заметил, значит, что проигнорировала его вопрос. Но ничего не сказал, усмехнулся только и опять уткнулся в бумаги. Антонина покривилась. И чего ему назад в Вильно не едет? Вот честное слово, даже доктор Буткус – уж фриц из фрицев – и тот приятнее! А этот... Бывший директор Виленского архива, фонды которого в начале сорокового передали в Академию наук БССР. Весной сорок второго прибыл, как им объявили, для разборки документов и возвращения их в Литву. Хорошо, допустим. Работы там действительно было не меряно – после вандализма первых

оккупационных дней Виленские акты были равномерно перемешаны с архивом Радзивиллов и бумагами Академии наук. Но концу сорок второго все найденное было отправлено обратно в Прибалтику, прошло еще полгода – май на дворе! – а этот все тут! Ух! Так и хочется дать по голове чем-нибудь тяжелым!

Антонина принялась за работу, но не удержалась, еще раз покосилась в сторону директора. И в который раз зацепилась взглядом за массивную печатку на его пальце. И что это за украшение у него? Как-то не вяжется со всем его обликом... Она тихонько хмыкнула своим мыслям: «Вот поди ж ты, в тайне горжусь дворянским происхождением, хоть и скрываю его, а от привитых представлений о нормах облика советского человека уже никуда не деться! В каком-нибудь семнадцатом веке чем только не украшали себя мужчины! Да и в начале двадцатого не стеснялись драгоценностей. А для меня побрякушки на мужике уже смотрятся странно-вато. Но что же этот его рисунок означает? Почему-то напоминает свастику... Точно! Это же их свастика, только разобранная! Как будто у ножниц вынули скрепляющий их гвоздик и две разделенные части положили параллельно друг другу!».

– Да, кстати...

Вздрогнув от неожиданности, Антонина поспешила изобразить внимание.

– Антонина Адамовна, составлялась ли подробная опись

переданных из Несвижа фондов?

Вот уж не думала, что немцев и иже с ними интересуется Радзивилловский архив! Ладно бы канцелярия губернатора или там Минское дворянское депутатское собрание, к примеру... А то – переписка давно почивших князей! Она покачала головой:

– Мы только начали систематизировать. Ведь документы были переданы почти перед самой войной, осенью тридцать девятого.

– А лично вы с ними работали?

– Да.

– Пожалуйста, составьте мне как можно более полный список. Укажите все, что попадало вам в руки.

– Хорошо, – она слегка пожала плечами. – А вы ищете что-то конкретное? Нам ведь досталась не так много, основную часть после революции Радзивиллы вывезли в Варшаву.

– Нет, нет! – он даже руками замахал. – Это я так...

Антонина незаметно хмыкнула: «А вот здесь ты, пожалуй, врешь! Знать бы только, зачем?». Она попыталась углубиться в классификацию документов, но мысли скатывались к только что услышанным вопросам. В итоге – две бумажки отправились не в ту папку, а третья и вовсе спланировала на пол. Нет, так дело не пойдет. Надо разобраться сначала с чем-то одним. Например, с директором. Ну-ка, попытаемся для начала вспомнить, чем именно обычно завален соседний стол? Антонина прикрыла глаза, дабы облегчить задачу

зрительной памяти, и минут через пять пришла к однозначному выводу: судя по всему, директора интересуют исключительно документы рубежа 17—18 веков. И далеко не все подряд! Инвентарные описи, личные послания... «А не то ли ты ищешь, что случайно попало в мои руки?! Наверяд ли... Хотя... Почему бы и нет? Каких только совпадений не бывает!» И внезапно уверившись в своей правоте, Антонина с усмешкой глянула на директора: «Любопытно только – ты ученый, наткнувшийся на хвостик тайны или – не приведи Господь! – можешь оказаться моим дальним родственником?! Вот было бы забавно глянуть на твою родословную – наверняка ведь составлял!».

Нарастающий гул давил на уши, но, занятая своими мыслями, она опомнилась лишь услышав голос директора:
– Антонина Адамовна! В бомбоубежище!

Антонина спешила домой, невольно улыбаясь. Замечательный день! Наши бомбят все чаще – хоть и страшно, а все же, значит, погонят немцев скоро! Димке опять же сандалеты выменяла просто за фантастическую цену – всего за полмарки! Оно и понятно – люди все больше пропитанием озабочены, не до одежек сейчас. А Димка и так всю зиму в хате просидел, носа на улицу не казал. Ну, и про документы вспомнила – тоже, конечно, приятно! Когда мама им с Антошкой легенды рассказывала, им все больше это сказкой представлялось. Кто бы мог подумать, что именно ей по-

счастливиться найти в архиве подтверждение маминым байкам?! Ух, рассказать бы Антону! Она-то уже большая была, во всяких заколдованных принцесс да несметные сокровища не очень-то верила, а вот младшенький всегда открыв рот слушал. Да только где братика сейчас сыщешь?

Антонина свернула в уже ставший родным переулок. Споткнувшись о невесть откуда взявшиеся комья земли, подумала – кому это здесь понадобилось копать? – и еще успела машинально сделать пару шагов, прежде чем обессилено рухнула вниз. Во всех окрестных домах выбиты стекла. Привычно замыкающего тупичок высокого забора не было вовсе. Вместо их дома зиял провал.

2007 год, декабрь

Пожилая проводница заучено улыбнулась щуплому пожилому господину, только что вышедшему из ее вагона, и тут же неодобрительно проводила его взглядом. Одет, конечно, моднее некуда. Для тех, кто ездит в заграницу еще на поезде, а не уже на личном самолете. А ведет, ведет-то себя как?! Ну, чисто мальчишка – подпрыгивает, руками за чем-то размахивает. Трещит, что твой будильник! Никакой солидности! Впрочем, кто нынче только за рубеж не отправляется. Это раньше все были почти под копирку. Только и отличай, что ежели у мужика костюм в плечах трещит, да рукава до локтей задираются – то командировочный, в Польшу первый раз едет. И по этому знаменательному случаю вытащил костюм, что еще к своей свадьбе шил. Такие, ясное дело – тоже благонадежные и проверенные-перепроверенные, но все же не настолько, как другие, у которых пиджаки всегда тютелька в тютельку по размеру. А сегодняшние... Эх!

Профессор Крашевский, совершенно не чувствуя осуждающего взгляда, что сверлил ему спину, остановился на перроне в некотором раздумье. Зачем-то глянул на часы. Как будто и так не понятно, что если сто четвертый скорый Варшава-Минск прибыл по расписанию в 8:04 – а он таки прибыл! – то сейчас никак не больше четверти девятого. И по этому поводу встает вопрос – что сейчас делать? Сразу

на работу? Или заехать домой переодеться? Ай, только время терять! И профессор споро зашагал к подземному туннелю.

Выбравшись спустя четверть часа из метро, он поеживаясь пробежал мимо колонн Президиума и нырнул в холл Института истории и культуры Беларуси. На втором этаже, освещаемым единственным окном в конце коридора, как всегда царил полумрак. Впрочем, свою кафедру он и с закрытыми глазами обнаружит! Профессор повернул ручку нужной двери:

– Приветствую, молодые люди! Не ждали?

Судя по синхронно дернувшимся мышкам – угадал. Небось, по сайтам с какой-нибудь «клубничкой» шарили! А теперь вот дергаются!

Через смежную комнату, занятую его собственными – и довольно нерадивыми, надо сказать! – аспирантами он прошел в свой кабинет и закрыл дверь. На ключ. А то сейчас начнут хором демонстрировать усердие! Только вот соберутся с мыслями, чтобы придумать какой-нибудь умный вопрос. А ему так хочется сразу сличить документы!

Он нетерпеливо принялся выуживать из портфеля тоненькие цветные скоросшиватели. Общий результат, конечно, ясен – прямых доказательств обнаружить так и не удалось. После тщательного исследования белорусских и литовских архивных фондов, Главной архив древних актов Польши оставался, практически, последней надеждой. Нет, есть,

конечно, отдельные документы и в России, и в Украине, даже в Германии кое-что осталось, но это такая толика, что найти там что-либо существенное крайне маловероятно. Значит, не судьба. Хотя ясно, что эти письма существовали. Документы в Несвиже содержались в образцовом порядке. И если в описи отмечена *«Переписка по личным делам Екатерины Радзивилл, урожд. Сангушко с кн. Каролем Сангушко»*, стало быть, она имелась в наличии. По крайней мере, в середине девятнадцатого века, когда составлялись описи. А вот с косвенными доказательствами – получше!

Профессор выудил, наконец, нужную папку и вытряхнул на стол целую стопку отксерокопированных страниц. Еще одну небольшую пачку листов, по внешнему виду очень схожих с первыми, он извлек из недр солидного сейфа. Нет, конечно, он и сразу по прочтении уже мог сделать выводы. Но все же очень хочется сравнить поточнее! С карандашом в руке, так сказать!

1707 год, декабрь

...Катерина подняла с ковра индийскую саблю и осторожно покатала пальчиками холодные, идеально ровные жемчужины. Как удалось вставить их подвижным образом в прорезь лезвия и при этом ни одной не повредить?! Загадка! Она передала клинок брату, и один из самых ценных экспонатов их коллекции тут же исчез в мягкой ткани. А Катерина, не поднимаясь с колен, сделала пометку на листе бумаги, разложенном на низеньком столике.

Следом в длинный деревянный ящик отправилась так же бережно упакованная чудесная персидская сабля с рукоятью из слоновой кости. Турецкий ятаган с резными кораллами. Карабела, украшенная пластинками из черепахового панциря. Несколько дамасских клинков, безошибочно узнаваемых по отсвечивающим на поверхности линиям и спиральям. Кинжалы.

– Я решил, что скарбницу вскрывать не будем, – нарушил долгое молчание Кароль. – Она запечатана, хорошо сокрыта – пускай так и остается.

Катерина с сомнением оглядела с десятков уже заколоченных ящичков с оружием и картинами. Прилично. А ведь еще столовое серебро. И драгоценный фарфор, только-только начинающий входить в моду! И... Словом, куда же это все, если не в подземелье?

– В подвалы, – успокаивающе кивнул брат, отвечая на невысказанный вопрос. – Но, во-первых, ценности лучше разделить – больше шансов сохранить хоть какую-то их часть. А во-вторых, сейчас только я знаю о точном расположении сокровищницы. Вот пусть так и остается. Ни к чему нам лишние свидетели. А для этого, – он еще раз махнул головой, объединяя все громоздившееся вокруг них, – я выбрал небольшой тупиковый ход. Там всего два погребца, и те не используются. Сначала заложим бутом само помещение, а потом замуруем и весь ход. Через пару месяцев кладку будет не отличить от старой, и кто угодно там пройдет мимо, даже не заподозрив о существовании прохода.

– Пару месяцев?

– Я думаю, у нас они есть. Карл XII только в начале января собирается выступить в направлении Гродно. А дойдет ли до нас – вообще не известно.

– Откуда такая уверенность в его планах?

Кароль промолчал, и Катерина, по опыту зная, что настаивать бесполезно, задала следующий вопрос:

– Кто будет знать о новом тайнике?

– Никто. Каменщиков я заведу и выведу сам. Предварительно, естественно, хорошенько попетляв по ходам.

Усмехнувшись, он добавил:

– Им даже глаза завязывать не придется.

Катерина молча кивнула и, проследив за руками брата, сделала очередную пометку. Что верно, то верно. В темноте

Кароль видит как кошка, а весь подземный лабиринт знает, как свои пять пальцев.

– За ночь управимся, – продолжал, между тем, Кароль. – С рассветом я хочу выехать. Ты тоже не задерживайся. Для твоего сундука я велел вырыть яму. Постарайся отобрать туда самое ценное.

Да уж. В принципе, в подвалах и подземных ходах Белого Ковеля можно без проблем разместить все его убранство, включая особо громоздкую мебель. Но брат справедливо рассудил, что, ежели замок будет захвачен, то лучше пожертвовать малым, чем пустыми комнатами сподвигнуть грабителей на тщательные поиски и потерять потом все.

– Примету ты знаешь, – Кароль приладил крышку к последнему ящику, – но лучше выучить последовательность поворотов наизусть. Сейчас закончим и спустимся вниз, поупражняешься, чтобы и с закрытыми глазами могла найти нужное место.

Забив еще несколько гвоздей, он ловко вскочил на ноги и протянул ей руку:

– Проследи, чтобы ларец несли вниз те, кого ты потом заберешь с собой. И у кого здесь нет никакой родни. Не стоит лишний раз рисковать.

...Профессор поставил последнюю галочку и удовлетворенно глянул на оставшиеся чистыми строки. Все, как он и предполагал. Инвентарные описи Смоленского замка, сде-

ланные до Северной войны и после нее, неоспоримо свидетельствуют о том, что часть княжеских сокровищ, предположительно опущенных в подвалы перед самым приходом шведов, бесследно исчезла во время войны и больше никогда нигде не упоминалась. Допустим, многое могло погибнуть, когда замок был захвачен. Ковры, гобелены, зеркала... Но вот свою сокровищницу Сангушки нашли нетронутой – тут им повезло! – и позднее благополучно вывезли. Только вот уникальные фамильные драгоценности там почему-то не значатся! Очень маловероятно, что их решили презентовать шведам. А в сочетании с легендой это дает неплохой шанс!

Крашевский в волнении подскочил и пробежал туда-сюда по кабинету – на сколько позволяли более чем скромные размеры последнего. Потом остановился и стиснул ладони, как будто их хаотичное движение мешало ему сосредоточиться. «Значит, так! Что у нас на дворе? Декабрь. За зиму как раз хватит времени написать заявку, подобрать литературу и аргументировано доказать необходимость раскопок. Это первое. Провести через все инстанции, получить подписи. Это второе. Слава Богу – большинство членов Ученого совета настолько древние, что отлично помнят, как я начинал археологом!». Профессор хихикнул: «А к кому малясы подкрался поближе, так и вовсе забыли, какой именно кафедрой я руковожу последние двенадцать лет. И как только снег сойдет – можно приступать!».

Он подбежал к столу и вытащил из портфеля еще пару листов, аккуратно склеенных скотчем в один большой. Тщетно поискав свободное место нужного размера, профессор опустился прямо на пол. «Так, судя по сохранившимся описаниям, под продовольственные склады использовали это крыло и это. Сюда, – он машинально провел карандашом по чертежу, – попасть будет полегче. В эту часть... – Крашевский крикнул и озабочено почесал в затылке. – Тут все будет зависеть от состояния подземных ходов. Крупно повезет, если дело обойдется без разбора обвалов».

2008 год, июнь

Костик медленно ехал вдоль тротуара, всей своей кожей ощущая, как он выделяется на фоне несущихся машин. Как бухая улитка! Которая еще спяну и домик в красненький цвет покрасила! Блин, надо было тачку понеприметней брать! А еще лучше – подарить жене эту. Тогда и голову бы не ломал, как за ней дальше следить. Сейчас нырнет в метро – и что ты будешь делать? Точно, к «Кунцевщине» топает!

Костик зарулил на стоянку к Западному рынку, пипикнул сигнализацией и бегом бросился следом. Особо и не скрывался – по утреннему времени в метро народа столько, что, даже ища кого-нибудь специально – фиг его заметишь, а уж случайно... Но на всякий случай сел в соседний вагон. А что? Риск потерять ее – минимальный, такой наряд можно рассмотреть через весь поезд! Хотя, конечно, хороша! Алое платье с прилично – или неприлично? – оголенной спиной, наводит на мысль о посещении бала или как минимум ресторана. Шелковистые концы шарфика из той же материи свешиваются на спину и чуть шевелятся на сквознячке подземки, делая картинку уж вовсе эротичной. Но вот заканчивается платье, мягко говоря, высокогато для вечернего наряда. Да и для дневного тоже. Зато открывает стройные ножки на умопомрачительных шпильках!

Яркое пламя в переднем вагоне двинулось к выходу, и за-

мешкавшийся Костик едва успел выскочить следом. Пристроился сзади на эскалаторе, настолько близко, что в нос пахнуло знакомыми духами. Еще недавно сказал бы – родными. Родными, как и многое другое, казавшееся незыблемым, постоянным, отданным ему на веки вечные.

Этот привычный аромат мгновенно довел его до кипения – как будто раньше он был спокоен! – и Костик с бешеным усталым уставился в затылок, украшенный замысловато уложенными локонами. «Ну, сколько ты еще будешь бегать? Надеюсь, здесь марафон закончится, и я, наконец-то, расставляю все точки над „i“? Честно говоря, даже хочется разобраться с этим побыстрее. Чтобы наступила хоть какая-то определенность».

Выскочив вслед за женой из метро, он успел заметить, как та нырнула в припаркованный буквально в двух шагах автомобиль. Довольно новый красный «Фиат» тут же тронулся с места, Костик машинально дернул из кармана ключи и тут же обалдело уставился на них. Ключики-то есть, только вот машинка – тю-тю! На другом конце города! Он резво закрутил головой по сторонам. И где, спрашивается, таксист? Который, согласно всем правилам науки преследования, должен находится в нужном месте, в нужное время и быть всегда готовым мчаться «вон за тем авто»? Костик кинулся к остановке. Может, там хоть какой-нибудь частник скучает? Ибо если в течение ближайших двух минут машина не словится, то дальше можно и не напрягаться. Ехать будет

просто не за кем.

Не словилась. Костик с досадой швырнул сигарету в урну – и когда только успел закурить? – и пошел назад в метро. Ладно, следующий раз поступим хитрее. Со станцией теперь все ясно, так что можно приехать на машине прямо сюда. И посмотрим, кто кого. Хотя, конечно, жаль, что не успел хотя бы водилу разглядеть.

Светлана плюхнулась в машину и тяжело бухнула дверцей. Мужчина, сидящий на месте водителя чуть заметно поморщился. Вот и не сказал же ничего, а настроение все равно испортилось. И кто придумал эти маломерные импортные машинки, на которые и дунуть-то нельзя, не то что с толком усесться?

Отъехав на некоторое расстояние – достаточное, впрочем, чтобы лишние глаза не увидели их встречи, они припарковали машину в тени. Светлана тут же принялась копаться в своей необъятной сумке. Через минуту она выудила откуда цветной скоросшиватель и протянула водителю. Мужчина бегло просмотрел содержимое папки, удовлетворенно кивнул и передал ей взамен конверт. Ну, конечно же, с деньгами. Не с борзыми же щенками! В отличие от своего спутника, просматривать содержимое Светлана не стала. Не принято.

– Поедем куда-нибудь пообедаем?

Пообедаем? Это что-то новенькое в их отношениях! Видя ее недоумение, мужчина пояснил:

– Я хочу поговорить с тобой.

Светлана неуверенно кивнула, и водитель тронул машину.

Смотреть на стоящие перед ней тарелочки без отвращения было невозможно. И чего, спрашивается, надо было выпендриваться? Заказала бы по-простому отбивнушечку прожаренную, да с гарнирчиком – глядишь, сейчас бы наслаждалась жизнью! Так нет же, стукнуло что-то в голову, захотелось поизображать из себя утонченную леди! А теперь из тарелки с «Морским ассорти» того и гляди выползет на скатерть какая-нибудь каракатица. Салат «Воздушный», на состав которого она не обратила внимания, на поверку оказался мелко настроганной капустой. Фаршированные баклажаны были очень даже ничего. Но чеснока там было столько, что позволить себе полакомиться ими вдоволь она не могла. Светлана вздохнула и отодвинула от себя тарелки. Стараясь, чтобы смесь из морских гадов оказалась вообще вне поля зрения.

– Я хотел от тебя следующее...

По мере того, как ее визави развивал свою мысль, лицо Светланы каменело. Что ж, можно было предположить, что этим все и закончится – аппетит приходит во время еды и так далее. Тьфу ты, вот уж не ко времени пословица! И что теперь прикажете делать? Соглашаться – это означает совать свою собственную голову в петлю, которая рано или поздно затянется. А отказ он навряд ли простит. Не тот случай

и не то предложение, после которого можно спокойно жить дальше: нет? ну и не надо, забудем. Такое не прокатит.

– Светлана Николаевна...

Она вздрогнула. И от нарочито-официального обращения – они уже сто лет «на ты», и от вкрадчивого тона, которым было произнесено ее имя. А ее собеседник отодвинул опустевшую тарелку, тщательно промокнул рот салфеткой и сцепил руки в замок.

– Прежде, чем отказываться, послушай о каких суммах речь идет.

Павел скосил глаз на лежащую рядом женщину и хмыкнул:

– Мы с тобой прямо как в голливудском фильме!

– В смысле?

– А кто-то подметил, что там одеяла всегда треугольной формы – чтобы мужик имел возможность продемонстрировать накачанный торс, а дамочка – спрятать свои прелести.

– Так лучше?

Простынка юркнула вниз, открывая упругую загорелую грудь без малейшего следа от купальника и подтянутый животик с крохотным фианитиком в пупке.

– О! Значительно!

Павел провел кончиками пальцев по гладкой коже, и та мгновенно отозвалась россыпью пупырышков.

– Неужели холодно?! Согреть еще раз?

– Кстати! На счет хорошенько погреться! Я уже провела всю подготовительную работу. Так что на следующей неделе можем выезжать. В Турцию и Египет уже появились горящие путевки. Например, Аланья на неделю всего по двести десять долларов. Но там вылет из Москвы. Есть Болгария на двенадцать дней. Автобус из Минска. Двести двадцать евро и плюс еще шестьдесят за визу. – Она немного помолчала и добавила с едва различимой ноткой упрека: – Хотя, честно говоря, больше всего на свете хочется в нормальную цивилизованную Грецию.

– На Грецию мы с тобой, радость моя, пока не заработали. И кстати по этому поводу...

– Греции?

– Нет, денег. Поездку пока придется отложить.

– Ты что, с ума сошел?! – она резко подскочила на диване. – Я уже легенду придумала, до нужных ушей донесла и с подругами договорилась! Как я теперь переиграю?!

– Вот-вот, и о легендах тоже. Я хочу присоединиться к шефу. Что-то он интересное затеял. Я тут литературку почитал, покумекал, и очень мне любопытно стало. Особенно в свете некоторых твоих давних рассказов. Я о них, признаться, и забыл, а теперь вот всплыло. Ну-ка поведай мне еще раз эти свои байки.

– Они не мои!

– Ты не ворчи, а вспомни лучше все, что сможешь. С подробностями и деталями, пускай даже самыми незначитель-

НЫМИ.

Антон сердито оттолкнулся от стола обеими руками. И согласно всем законам физики тут же впечатался в стену. Вместе со своим креслом на колесиках. Черт бы побрал эти новые приобретения! То ли дело раньше: пихнешься хорошенько – и допотопный стул с визгом скрипит по паркету, сообщая всем окружающим о глубине твоего возмущения. А сейчас? Хорошо хоть голову научился пригибать. А то первое время затылку ощутимо доставалось. Нет, надо избавляться от дурацкой привычки.

– Что вызвало гнев у надежды и оплота всей нашей науки?

Характерно, что при этом Вовка даже не обернулся. То есть уже привык к новым звуковым эффектам и идентифицирует их совершенно однозначно. Антон слегка усмехнулся, но ответил все равно сердито:

– Да ерунда полная с этими раскопками получается! Вот ты можешь сказать, что, что нам там делать?! Я даже не знаю, с какого боку за эту проблему взяться!

– Вот и научись. Тебе же шеф сказал – в жизни все пригодится, и навыки работы на раскопе тоже. Мало ли чем потом захочешь заняться! А тебе даже открытый лист по форме два не дадут, если пару сезонов под опытным руководством не поработаешь. И по такой жаре, – Вовка демонстративно обмахнулся первой попавшейся под руку бумажкой, – уж точно лучше где-нибудь на природе расслабляться, чем

киснуть в пыльном архиве.

– Не нужен мне твой открытый лист! Ни по какой форме! Мне диссертацию заканчивать надо, статистики не хватает! Мне бы как раз в архив, а не в какой-то идиотский раскоп!

– Да ни фига тебе не надо в архив! Откосить от армии, получить прописку и перекантоваться пару лет, пока нормальную работу не найдем. За приличные бабки, а не как здесь. Вот и все, что нам надо!

– Я вообще-то планирую связать свою жизнь с наукой.

– Ой, только не надо тут строить из себя великого ученого и нобелевского лауреата! Что, вот что можно нарыть нового в этих складах целлюлозы?! Все давно описано, проштамповано и учтено! А такие, как ты, только и делают, что бумажечки туда-сюда перекалдывают! Сложили четные – готов диссер! Сложили нечетные – готов еще один!

Прежде чем ответить, Антон искоса глянул на Вовку. Так и есть – вскочил, кулаки сжаты и веснушки уже побелели. Значит, сейчас будет бить копытом и пускать пар из ушей.

– Вовк, а ты делаешь что-то другое?

Вроде, достаточно миролюбиво получилось? Нет, оказывается, не вполне. Во всяком случае, Вовка окончательно приобрел сходство с молодым крутолобым бычком.

– Да то же самое! Только не изображаю из себя чистоплюя! И у меня все по-простому. До тех пор, пока я нигде не пристроился, мне надо удерживаться здесь, в этом гребаном институте! А чтобы тут заякориться нужен диссер.

Кровь из носу! Так что если для защиты надо будет хоть шепу на замке порыться, хоть у половины Совета в огороде покопаться – мне пофиг! – покопаюсь, не переломлюсь!

Вовка так грохнул дверью, что пару листочков с ближайшего стола спланировали на пол.

– Мне в отличие от тебя минская прописка не нужна, – пробормотал Антон в пустоту.

А, нет, не совсем – в проеме снова показалась конопатая физиономия. Значит, услышал.

– Ну да, конечно! Мы же минчане! У нас и папа профессор, и мама! И должности у них – о-го-го! Они сыночку и на работку по душе пристроят, а что на работке совсем денежек не платят, так это ничего – мама с папой джинсики купят, чтобы сыночке было что задницей протирать! А я не желаю назад в колхоз! Мне, может, девки до третьего курса не давали! А я все понять не мог, чего выкобениваются! Оказывается, у них тут в городе принято дезодорантами под мышками мазать! А я и не знал, что за хрень такая, дезодорант!

Антон ошарашено пробормотал:

– Вовк, ты что, рекламы по телевизору никогда не видел?

Вовка целиком всунулся в комнату и рухнул на стул. Вдруг оказалось, что никакой он не разъяренный и злобный, а грустный.

– А... – он махнул рукой. – Как батя пропил телек, так я его только с пацанами у кого-нибудь на хате и смотрел. А там

все больше видик включали – чтоб боевик какой или порнушку. А ты тоже хорош, – опять вскочил он, видимо, передумав сдавать позиции. – Ведь все равно поедешь и слова поперек не скажешь, а? Поедешь ведь?

– Поеду.

– Вот то-то! Выделываешься только!

И Вовка еще раз закрыл за собой дверь, победоносно, но уже не так громко, а Антон уставился в монитор своего компьютера. Там, подтверждая правоту Вовки и как будто издеваясь над Антоном висели скачанные с сайта Государственного исторического архива Литвы описания фондов.

Архивный шифр: LT LVIA Ф. 1280 оп. 1 д. 137

Заголовок: Переписка по имущественным и финансовым делам кн. Кароля Станислава Радзивилла и его родственников кн. Сангушко

Дата: 1718—1719

Размер: 3 листа

Язык: пол., лат.

Потом следующая запись: архивный шифр, заголовок, дата... И снова: шифр, заголовок, дата...

Все описано, систематизировано и учтено, как и говорил Вовка. И что он хотел здесь нового обнаружить? Хотя – вопреки сказанному Вовке – именно сейчас он занимался поисками вовсе не тех материалов, что хорошо укладывались бы в концепцию его диссертации и подводили бы под нее достаточную доказательную базу. Гораздо больше в дан-

ный момент его интересовала необъяснимая с его точки зрения постановка задачи на лето. Да еще сразу с таким серьезным подходом – с получением разрешения по первой форме, которая позволяет изучать выбранный объект буквально вдоль и поперек. И вглубь.

Антон раздраженно захлопал мышкой, закрывая все виисящие окна с многочисленными, но бесполезными ссылками, выданными гуглом. Нет, ну что-то же должно было подвинуть шефа именно в эту степь? Про степь – это, конечно, фигурально выражаясь, судя по найденным описаниям там как раз болото-болотом.

Немного подумав, он извлек из недр компьютерной памяти длиннющий список профессорских работ. Честно говоря, он и дочитать-то его до конца так и не удосужился, не то что просмотреть сами статьи, хотя шеф и рекомендовал весьма настойчиво совершить этот подвиг.

Как оказалось – очень даже зря. В смысле, не прочитал зря. Где-то в середине шестого десятка пронумерованных печатных трудов в комнате прозвучало простецкое «Ни фи-га себе!!!», весьма любимое Вовкой и куда реже употребляемое Антоном по причине того, что «у нас и папа профессор, и мама». Юноша еще с минуту посидел за столом, разглядывая выделенные курсивом слова. И даже зачем-то провел по экрану пальцами. Жидкокристаллический дисплей отозвался веселенькими радужными разводами, что несколько привело молодого человека в чувство. По крайней мере,

за дверь выскочил он очень поспешно, только и успев, что подхватить с пола небольшой стильный рюкзачок.

Утренний кофе с творогом, свежими ягодами и обязательно с книгой – это их устоявшаяся традиция. Или теперь надо говорить не так? Кажется, россияне недавно провели реформу своего великого и могучего языка, и кофе теперь следует считать словом среднего рода?

Ольга посмотрела на мужа, который прихлебывал это среднее кофе, не отрывая глаз от любимого Тома Клэнси.

– Ромка... – потянула она, – а тебе еще много страничек дочитывать?

Муж заглянул в конец книги и произвел несложный подсчет.

– Двадцать три. А что?

– А у тебя консультация сегодня во сколько? – вопросом на вопрос ответила Ольга, сосредоточенно закапывая клубнику в кучку творога со сметаной.

– Все ясно, – усмехнулся Рома, снова уткнувшись в книгу, – ты все прочитала и тебе срочно надо в библиотеку за новой порцией любимых детективчиков. Сходим, не волнуемся, – успокоил он жену, – студенты к половине четвертого придут, так что успеем.

– Я по такому случаю даже посуду помою, чтоб тебе быстрее читалось! – с самоотверженным энтузиазмом вызвалась Ольга и утвердительно покивала головой в ответ на насмеш-

ливо поднятые брови мужа – мыть посуду она ну очень не любила.

Ольга вытирала тарелки, незаметно поглядывая на мужа. Кого не слушаешь, так одни и те же жалобы! Муж не слушает! Муж не понимает! И тэ-дэ, и тэ-пэ. Побывали б они в ее шкуре, когда супруг в девяносто девяти процентах случаев понимает ее не только с полуслова, но еще и на два-три хода вперед! Нет, она, конечно, восхищается его прозорливостью и все такое... Но ведь и беспокоится тоже! Тревожащую ее дилемму можно было сформулировать так – это муж у нее слишком умный или она у мужа совсем примитивная? Вот надоест ему жена глупая и предсказуемая и пойдет себе искать умницу-красавицу! Хотя Ромка и утверждает, что просто очень хорошо ее знает. Настроение, как обычно в этом месте, слегка омрачилось, и Ольга, промокнув руки, подхватила с пола сынишку.

– Солнышко мамино! – она расцеловала щечки своего полуторагодовалого малыша, – мама тебя любит! Сильно-сильно!

Глебка насупился и принялся выкручиваться из ее объятий – в данный момент коллекция маминых кастрюль интересовала его несколько больше маминых же нежностей. А Роман тут же сообщил ей:

– Олюнь, ты самая умная жена на свете.

При этом даже глаз не поднял от очередной страницы! Нет, ну это уже вообще ни в какие ворота не лезет! У нее

что, не лицо, а раскрытая книга? Хотя в духе современности, наверное, надо говорить открытый файл? Ольга рассмеялась придуманному фразеологизму и сообщила мужу:

– Мистер всезнайка в наказание сам помое т свою тарелку!

Часа через полтора они уже подходили к библиотеке.

– Подождете здесь? А то прошлый раз я его с собой взяла, так парень категорически отказался сидеть в коляске. Я потом только и делала, что бегала по библиотеке и засовывала назад то книжки вынутые, то указатели.

Роман согласно кивнул и медленно покати т прогулочную коляску по тротуару, а Ольга нырнула в прохладное книгохранилище. Мимо классики проходим, не оглядываясь. Мимо фантастики и любовных историейк – тем более! Где тут наши любимые детективчики?! О, вот они! Она быстро схватила с полки стопку мягких книжек и просмотрела в поисках еще нечитанного. И не надо намека т на примитивность ее вкусов! Детектив с трогательной романтической историей внутри и каким-нибудь «настоящим полковником» в качестве принца на белом коне – что может быть лучше?! По ее глубокому убеждению – ни-че-го!

Ольга выпорхнула из библиотеки, весело размахивая рюкзачком сразу с тремя новыми приобретениями.

– Т-с-с! – тут же засигнализировал ей муж.

– Вы зачем так рано уснули?! – Ольга даже руками всплеснула. – Медведи вы зимние!!!

Роман виновато пожал плечами:

– Как-то само вышло. Я задумался, ходил-ходил туда-сюда, а потом смотрю – спит!

– Спи-ит... – передразнила она мужа и вздохнула: – домой ехать нет смысла. Только весь сон перебеешь, пока в кровать переложить. Придется досыпать на свежем воздухе.

Чмокнув мужа в щеку, она опустила спинку колясочки и покатила ее к парку – благо, до него всего полторы остановки.

Ольга перелистнула очередную страницу. Из книги при этом скользнул небольшой листок и мягко опустился на хвою рядом с огромным пнем, на котором она так удобно устроилась. Ольга скосила глаза на исчерканную бумажку и несколько минут гипнотизировала ее в надежде, что та аннигилирует сама. Не получилось. Досадно! Поднимать чужие каракули не хотелось. Но не оставлять же в лесу лишний мусор? И так вокруг столько всяких пакетиков, оберточек и прочих «фантиков», что хоть ты по сторонам не смотри! Ольга вздохнула и все-таки наклонилась за бумажкой. Она собиралась сунуть листок между страниц в начало книги, но взгляд за что-то зацепился. Ольга поднесла бумажку поближе к глазам. Смоляны... Смоляны... Смоляны... Выписанные, даже, можно сказать, прорисованные буквы этого знакомого названия вились по периметру листочка, повторяясь, как минимум, раз десять. Очевидно, писавший

о чем-то крепко задумался – вот и выводил арабскую вязь. У нее самой после всяких собраний остается куча рисунков, по несколько раз обведенных стержнем. В общем, с этим понятно. А здесь что? Центр бумажки занимали какие-то странные расчеты:

$$12 \text{ кг} = 12000 \text{ грамм} \times 35 \text{ у.е. за грамм} = 420\,000$$

Затем значились слова «за старинность» и рядом в столбик – что-то совсем непонятное:

x 2?

x 3?

x 10?

Заканчивалась вся эта математика надписью:

4 000 000?!!!!

Именно так, с четырьмя восклицательными знаками. Больше ничего не было – Ольга заглянула на оборот листочка и снова уставилась на цифры. «Тридцать пять у.е. за грамм» очень уж походит на цену золота. Или там серебра. Словом, какого-нибудь драгметалла. Что еще можно продавать на граммы и за такую цену? Черную икру? Тогда причем здесь «за старинность»? Икра – не коньяк, ей пятьдесят лет выдержки ценности не добавит.

Четыре миллиона... За старинность... Смоляны... «Все это вместе рождает только одну идею – клад!» – наконец-то решила она облечь свои ассоциации в словесную форму. И тут же сама над собой посмеялась: «Ага, пещера Али-Бабы

и сорока разбойников в белорусской вёске!»². Хотя... Почему бы и нет? Сколько уже веков нашим замкам! И кто его знает, что там в развалинах скрывается! В тех же Гольшанах, например. Или в Крево... Или в Ружанах... Надо будет обязательно Глебку в Ружаны свозить! И в Косово! И в Сарью! Огромный дворец Пусловских в Косово поражает своим великолепием, а маленький, но похожий на живое пламя, костел в Сарье просто завораживает! И съездить наконец-то в Гомель! А то уже почти всю Беларусь объездили, а с Гомелем все как-то не складывается. Ну, ничего, подрастет Глебка, теперь уже вместе съездим. И знаменитый дворец Паскевичей посмотрим. И усадьбы Богуславских и Крушевских. И церкви с костелом. Собственно, можно и по всем другим интересным городам и весям по второму кругу проехаться – раньше она открывала их для себя, а теперь будет показывать сыну!

На этой высокой ноте Ольга опустила глаза в книжку. Что там дальше? На чем она остановилась? На странице, поверх напечатанного текста, лежал листок. Фу ты! И когда она только успела про него забыть?! Размечталась – вот и забыла. Ольга еще раз перечитала все надписи и поизучала расчеты. Ничего другого – кроме клада – в голову по-прежнему не приходило. Кстати, и замок в Смолянах как раз подходящий имеется. Когда это они с Ромкой там были? Лет пять назад, не меньше, потому что фотки из Смо-

² вёска (бел.) – деревня

ляя еще пленочные. В две тысячи четвертом они уже купили цифровой фотик. И сразу перестали печатать фотографии! А вот эти, из Смолян, точно есть, даже недавно на глаза попадались. Пологий холм, окруженный зарослями кустарника. Там, в зарослях, скрывается небольшая быстрая речушка. Наверху холма – одинокая, полуразрушенная башня. Все, что осталось от замка. Кстати, а сколько их всего было? Кажется, пять? Четыре угловые и одна рядом с воротами? Плюс внутренние жилые корпуса и склеп. А разных хозяйственных построек – вообще не счесть. Хм, есть где клад припрятать. Только вот сейчас от этого всего и следа не осталось! Ольга напрягла память. Насколько она помнит, вроде разрушили замок не в революцию и не во время войны, а гораздо раньше.

Ольга вскочила и прошлась туда-сюда по дорожке. Гораздо раньше – это когда? Пару веков назад? Как тогда могли сохраниться сведения о припрятанных сокровищах, если уже мало кто про сам замок знает? Семейная легенда, которая передавалась из поколения в поколение? Тогда почему клад до сих пор никто не выкопал? Все-таки не за тридевять земель за ним ехать – от Минска до Смолян километров двести, за один день обернешься. И – привет! Неси денежки в банк! А, может, какие-нибудь историки нашли в своих закромах неучтенную бумажку? Совсем недавно? Тогда стало бы понятно, отчего про клад узнали только сейчас.

Ольга глянула на посапывающего сынишку, затем на часы

и решительно взялась за ручку коляски. Поедем-ка мы уже домой! Двойная польза – проснувшийся голодный ребенок окажется в непосредственной близости от пищеблока, а мучимая любопытством мама – рядом с Интернетом!

Роман вручил сынишке новую книжку и плюхнулся на кухонный диванчик. Перед ним тут же материализовалась тарелка с супом. В правой руке ложка, а в левой...

– Это что, теперь такое вместо хлеба выдают? – он с удивлением уставился на бумажку, что сунула ему жена.

– Ром, ты лучше на листик посмотри!

Он повертел бумажку во все стороны.

– Ну, посмотрел. Чушь какая-то. Левая часть равенства не равна правой, единицы измерения не совпадают. С точки зрения математики – полный абсурд.

Ольга выхватила листочек из его руки и даже зачем-то поднесла к носу. А он быстренько схватился за хлеб и даже откусил немного – чтобы уж точно быть уверенным, что усталого отца семейства не лишат законного ужина

Ольга же возмутилась:

– Ромка! Какая математика?! Ты компьютер или человек? Совершенно нормальная запись! Я сама так делаю, когда, например, ткань на белье постельное считаю: два плюс четыре, плюс метр – равно семь, умножить на пять тысяч за метр, равно тридцать пять тысяч и умножить на два комплекта – итого надо семьдесят тысяч. Все ясно и понятно!

Роман ухмыльнулся:

– Значит, эту твою цидульку тоже женщина писала, мужик бы до такой арифметики не додумался.

– Шовинист ты, Ромка!

– Ага, есть немного!

И он с аппетитом принялся за второе, с усмешкой наблюдая за насупившейся женой. Та сделала вид, что продолжать не будет, и даже предприняла попытку почитать сыну новую книжку. Парень такую инициативу не одобрил – картинки утром, а стихи вечером. Или наоборот. Но картинки вперед!

– Ну, вот... – притворно вздохнула супруга. – Книжку отобрали, меня обсмеяли...

– Ладно уж, рассказывай. Все равно ведь не выдержишь.

Жена тут же согласилась. Ясное дело, ей ведь самой не терпится!

– Смотри, Ром. Вот здесь двенадцать килограмм. А здесь тридцать пять у.е. за грамм. Я позвонила в нацбанк. Помнишь, они по телевизору все золотые слиточки рекламировали, которые начали народу продавать? Так вот, это как раз цена золота в тех слитках!

– То есть ты намекаешь на клад?

– Все-таки хорошо иметь такого сообразительного мужа! – жена не удержалась от иронии, но Роман решил, что на сегодня пикировок, пожалуй, достаточно, и ответил по существу:

– Олюнь, двенадцать килограмм золота – это не горшок

с медными монетами. Не может быть, чтобы о таком кладе не осталось каких-либо сведений. Если бы он существовал, то это был бы довольно известный факт. А тут какая-то записочка...

– Ромочка, а ты, вообще-то, о каких кладах в Беларуси знаешь?

Судя по невинному голоску и нарочитой небрежности тона, готовит какую-то ловушечку. Но, честно говоря, сегодня он так устал, что нет сил ни на какие интеллектуальные состязания и игры в «Что? Где? Когда?». И он просто ответил:

– Наполеон вроде что-то здесь забыл. Или потерял... Или закопал?

– А еще? Вспомни Несвиж!

– Точно! Радзивилловские золотые апостолы! Двенадцать статуй, которые так и не нашли.

– Вот и все, солнышко мое! – удовлетворенно заключила Ольга. – Закончились твои клады. И я больше не вспомню. Мы с тобой невежды и в истории, и в археологии. Так что, во-первых, если мы не знаем о Смоленском кладе – это не значит, что он не существует. А во-вторых, не такой уж он и большой. Если брать воду, то двенадцать килограмм – это четыре трехлитровых банки. А золото в девятнадцать раз тяжелее. Так что это всего-то пол-литровая баночка!

Роман не удержался, рассмеялся. Все-таки его жена – просто чудо! Ну кто еще додумался бы мерить золото так трогательно – «пол-литровыми баночками»?! Почему-то вспом-

нилось, как Ольга собирает чернику в такую вот подвязанную к поясу тару. И он тут же представил себе картинку: сидит она на краю выкопанной ямки и баночкой со дна что-то блестящее черпает. Роман фыркнул, и видение испарилось.

– Математик-теоретик из тебя хороший, Олюнь. А вот физик-экспериментатор – не очень! Навряд ли там золото в слитках. Скорее украшения. А их так компактно не упакуешь! Так что сундучок должен быть очень даже вместительным.

Жена в ответ состроила удрученную рожицу, но спустя пару минут радостно вскинулась:

– Ромка, это не украшения! Тогда бы и камни драгоценные упоминались! Бриллианты-изумруды явно не дешевле золота, глупо их не учитывать. Я думаю, это монеты! Из них и кучка небольшая получится.

– Вот это более правдоподобно, – кивнул он. – Ладно, допустим клад существует. Что дальше? Смоляны большие.

– А замок – один!

– Почему только замок? Там же и церковь есть, и костел, насколько я помню.

– Две церкви, – тут же поправила его жена.

Роман отмахнулся от такой несущественной разницы:

– Неважно. Если их разрушили при Советах, то ксендзы-батюшки вполне могли успеть что-нибудь спасти и спрятать. Кстати, и сведения в этом случае о тайнике вполне могли сохраниться – всего-то два-три поколения сменилось.

Ольга нахмурилась и куда-то убежала. Вернулась она с двумя томами справочника Кулагина.

– Так, посмотрим, «Каталіцкія храмы...» – она принялась перелистывать страницы. – Вот. «Касцёл Найсвяцейшай Дзевы Марыі і кляштар дамініканцаў³... У 1930-я гг. храм закрыты... Афармленне інтэр'ера і алтароў не захавалася⁴».

– А что в «Православных храмах»?

– Свята-Аляксееўская царква⁵... – Ольга пробежала глазами текст и закрыла книгу, – не написано, когда разрушена.

– А вторая церковь?

– Вторая церковь действующая. Помнишь, деревянная такая, по дороге к замку? – жена помолчала и с надеждой спросила: – И что это нам дает?

Роман усмехнулся:

– А что ты хотела получить? Точные указания, где зарыт клад?

– Ромка....

– Ну, не расстраивайся. Сперва надо почитать литературу о кладках Беларуси. Глядишь, и всплывет что-либо.

– О!

Роман удивленно посмотрел вслед куда-то опять ускокавшей супруге. Вспомнила что-то важное? Нет, ну вы гляньте! Еще один листок несет! Это что – нынче в каждую библио-

³ Костел Святой Девы Марии и монастырь доминиканцев

⁴ В 1930-е гг. храм закрыт... Оформление интерьера и алтарей не сохранилось

⁵ Церковь Святого Алексея

течную книжку обязательно ребус вкладывают?! Чтобы бедные преподаватели, измученные жаждущими знаний – или хотя бы зачетов! – студентами, не расслаблялись и по вечерам?!

– Ром, смотри! Я выписала все номера абонементов, что значатся на библиотечном вкладыше! Получилось всего одиннадцать человек...

Роман тут же перебил:

– И ты теперь каждому будешь звонить и спрашивать: «Не вы ли забыли записочку о сокровищах на пару миллионов долларов? Вы?! Ой, а расскажите подробнее!»

Судя по смущенно-виноватому выражению мордашки, что-то в этом роде и предполагалось.

– Олюнь, тебе самой не смешно?

– Ну... Может, получится как-нибудь узнать... Придумай что-нибудь, а?

Роман покачал головой:

– Единственное, чем я могу тебя порадовать, так это то, что навряд ли... Сколько их там у тебя? Одиннадцать? Так вот, вряд ли все одиннадцать человек раз за разом перекладывали эту бумаженцию. Скорее всего, ее забыл последний из читателей. Максимум – предпоследний.

– Ромка! А ты сводишь меня еще разочек в библиотеку?!

– Не терпится заглянуть в формуляры читателей?

– Угу.

– И ты не отстанешь?

– Не-а!

О, уже и в ладоши хлопает! Вот ведь козявка! Каждый раз угадывает, когда он уже сдался и готов к витью веревок из своей персоны! Роман нарочито горестно вздохнул:

– Что с тобой будешь делать! Свою. Придумаю только, как нейтрализовать библиотекаря для проведения твоей спецоперации.

Ольга потянула на себя дверь и, резко выдохнув, шагнула в сумеречную прохладу библиотечного холла. Остановилась в нерешительности. И не надо думать, что у нее не в порядке с головой, и она до жути боится прячущихся среди шкафов книжных монстров! Просто начало приключения... бодрит как-то, что ли? Только, пожалуйста, именно приключения! Никаких детективов, ни Боже мой! Она ни капельки не похожа на находчивых дамочек-сыщиц, которые выходят сухими из самых опасных ситуаций. И которые всегда умнее преступника. Хотя она, конечно, тоже очень даже положительная, но при виде какого-нибудь трупа всей ее находчивости хватит только на то, чтоб визжать, не переставая, пока кто-нибудь не прибежит ее спасти! Муж, например. Немного потоптавшись в холле, она подбодрила себя сентенцией «стоя на месте, никуда не попадешь» и взялась за ручку следующей двери.

Зайдя, наконец, в зал, Ольга приветливо кивнула библиотекарше и протянула ей две стопки книг.

– Я сдам и свои, и мужа. А он потом зайдет выбрать.

– А сынишка?

– А он свои еще не прочитал! – улыбнулась в ответ на шутку Ольга и свернула за ближайший стеллаж.

Краем глаза она успела заметить удивленный взгляд библиотечной дамы. И чему тут изумляться? А где она, кстати, оказалась? Что на картонках с фамилиями? Ага, Некрасов, Островский... Понятненько. Ну и что? Чего так ошеломленно вслед смотреть? Подумаешь, решил человек вместо детективов почитать стихи да пьесы!

Ольга стянула с полки первую попавшуюся книгу и сделала вид, что погрузилась в изучение ее содержания. Постояла так с минуту, прислушиваясь. Судя по полному отсутствию каких-либо звуков, в библиотеке больше никого нет. Она набрала Ромкин номер, тут же сбросила его и еще раз оценила место своей дислокации. Вроде выбрано удачно.

Через пару минут входная дверь с легким скрипом приоткрылась. Библиотекарша даже головы не подняла. Действительно, идет себе очередной посетитель и пусть идет! А Ольга в щелку между стеллажами проследила, как в зал всунулась Ромкина рука, выпустила на пол небольшую кудлатую собачонку и снова исчезла. А что? Сидела себе псинка возле магазина, чумазая, шерсть свалявшаяся – явно ничейная животинка! Почему бы ей не поучаствовать в их затее, раз уж у нее все равно нынче свободный день выдался?

Собачонка, между тем, огляделась и целеустремленно по-

трусилась куда-то вглубь зала. Библиотекарша прислушалась и сделала бровки домиком. На лице так и читалось: «Я, конечно, привыкла, что девушки шпильками по паркету цокают. Но не с такой же скоростью?! Да и, собственно, каблуки слышу, а вот где все остальное?!».

– Ой! Это что такое?! – в голосе дамы звучало неподдельное изумление.

Ага, это она, значит, успела заметить исчезающий за поворотом хвост! Библиотекарша поспешно выбралась из-за стола, а Ольга кинулась к ящику с формулярами. Ой, как повезло! Все расставлено не в алфавитном порядке, а по номерам! Выдернув нужную книжицу, Ольга сунула ее за пояс шорт, под майку. И очень вовремя – женщина уже возвращалась, держа на руках собачку.

Через десять минут Ольга выскочила на улицу и победно помахала Роману своей добычей.

– Олюнь, я не придираюсь, – протянул тот, – но карточкой ты размахиваешь прямо под окном библиотеки...

– Ой!

Она поспешно юркнула к стене и, присев на корточки, застрочила в блокноте: Малинка Наталья Дмитриевна... 1983 года рождения... Адрес... Переписав все сведения подряд, Ольга сунула карточку Роману:

– Давай, теперь твой выход!

– Скорее вход, а не выход, – с усмешкой буркнул муж.

Снова он появился на пороге библиотеки минут через

пятнадцать – Ольга уже даже приплясывать от нетерпения начала.

– Ну, как? Пристроил куда-нибудь?

– Не куда-нибудь, а на место, в картотеку! – муж так и светился от гордости.

– Не заметила?! – ахнула Ольга.

– Да ну! Дама, похоже, решила приютить псинку, уже что-то там рассказывает ей и делится бутербродом. Она и меня-то с трудом заметила, не то что какой-то формуляр.

Замок построен в начале 17 века, принадлежал князьям Сангушко, частично разрушен во время войны России с Речью Посполитой 1654—1667 годов и во время Северной войны начала 18 века. В 19 веке полностью пришел в упадок. Ольга захлопнула «Замки Беларуси» Ткачева и пригорюнилась. Минимум подробностей и полное отсутствие каких бы то ни было легенд о кладях. Может, и прав Ромка – и чего она сразу на замке зациклилась? Это и вправду может быть и церковь, и костел. Да и просто жилой дом, в конце концов! «Кстати, о жилых домах! Ну-ка, посмотрим, что это за адресочек, который мы так удачно вчера в библиотеке добыли!» Ольга схватила бумажку и быстренько загрузила на ноутбуке карту Минска. Якубовского, Якубовского... Вот она. Ольга прикинула расстояние и маршрут. В принципе, если пойти с Глебкой гулять в парк, проехать его насквозь – то не так уж и далеко! Она побарабанила пальцами по столу и вскочила.

Ну так и не будем откладывать! Быстренько покидав в походный рюкзачок формочки-лопатки, Ольга загрузила сына в коляску и выбралась на улицу.

Минут через пятьдесят они с Глебкой уже вовсю раскапывали песочницу во дворе интересующего ее дома. Домик, кстати, не совсем простой – конечно, не для тех, кто в списке журнала «Форбс», но все же и не дешевая панелька. Кирпичный, на пяти нижних этажах окна «фонариками». Затем декоративный карниз. Сверху окна попроще, но зато с коваными решетками. В общем, ничего такой домик. Ольга хмыкнула и близоруко прищурилась, стараясь разглядеть номера квартир, нарисованные над одинаковыми железными дверями подъездов. Ей нужна восемьдесят первая. Значит, это вот этот, квартиры с семьдесят третьей по сто восьмую. Этаж... Ольга по пальцам пересчитала квартиры – получался третий этаж – и тут же задрала голову, посмотреть. Можно подумать, точно знала, куда выходят окна нужной квартиры! Кстати, вон – как раз на третьем – вся лоджия разукрашена разноцветными детскими вещичками, сохнущими на солнышке. Вот бы повезло, если бы у этой... Она глянула в бумажку, которую предусмотрительно сунула в карман шортиков – хорошо бы у этой Натальи Дмитриевны оказался маленький ребенок! Лучше повода познакомиться не придумаешь. И возраст у нее более-менее подходящий...

У кого бы узнать поточнее? А то так и до зимы прождать можно. Ольга оглянулась. В пределах видимости все скамей-

ки пусты. Ну и где эти бабушки у подъездов, которые обязательно присутствуют в каждом детективе? Стоит только главной героине устроиться на лавочке и задать пару вопросов, как старушки тут же доложат ей все, что надо, от и до! Ухмыльнувшись, Ольга представила свою бабулю. Она, конечно, тоже выбирается посидеть в тенечке у дома. Но более недоверчивую особу найти трудно – прежде чем баба Таня что-нибудь расскажет, ты и сам не заметишь, как ответишь на сотню вопросов: «Кто таков?», «Зачем пришел?», «Кого надо?». А потом еще и отправит куда подальше «Иди, милый, не внушает мне доверия твоя личность. Пожалуй, надо в милицию сообщить, что ходят тут разные». Кстати, надо бы съездить к бабуле, проведать. У них с Ромкой на двоих она последняя осталась – из всех бабушек-дедушек. И Глеб-ку показать...

От раздумий и машинального наполнения-переворачивания формочек ее отвлек писк домофона. Через высокий порожек интересующего ее подъезда с трудом переталкивала коляску маленькая, изящная как стрекоза, девушка. Тугие джинсовые шортики и коротенький пестрый топик облегли такую стройную загорелую фигурку, что Ольга поневоле вздохнула: «Наверное, сестра везет малыша на прогулку. Никак не мама! Ну не возможно после беременности выглядеть вот так!».

На третьем этаже, как раз рядом с завешенным детскими вещичками балконом, открылось окно. Обе женщины под-

няли головы на шум.

– Натаха! Опять забыла!

И высокий белобрысый парень кинул вниз приличных размеров пакет, связанный за ручки.

Девушка поймала было передачу, но удар оказался слишком сильным, сверток развязался, и на траву под окнами веселым градом посыпались разноцветные пластмасски. Мальчишка в коляске заверещал от такого неожиданного развлечения, а девушка всплеснула руками и смущенно пояснила Ольге:

– Еще ни разу не удалось выйти из дома в полном снаряжении! Возьмем игрушки, так забудем сок! Возьмем попить, так оставим дома сменные штаны. И так каждый день!

Ага, значит, все-таки мама, а не старшая сестра. И вздохнув, Ольга отозвалась:

– Это еще ничего! Я как-то зимой в тапочках гуляла. Наверное, с полчаса, пока обнаружила! А сразу после роддома вообще беда с головой была – два плюс два пыталась в столбик складывать!

Девушка вручила малышу ведро с лопаткой, быстро покидала в пакет оставшиеся формочки и вкатила коляску на детскую площадку.

– А вас как зовут?

– Глеб Романович, – важно сообщила Ольга, правильно истолковав ее вопрос.

Девушка расхохоталась и тут же объяснила слегка озада-

чившейся Ольге:

– Это мне Сашка, муж мой, ну вы видели, – она махнула рукой назад и вверх, – недавно анекдот свежий принес. Называется «Десять признаков того, что вы молодая мама». Так там самым первым пунктом так и написано было: «Разговор двух женщин „Как вас зовут? – Сережа!“ – не кажется вам абсурдным». Прямо как у нас получилось!

Ольга улыбнулась:

– Тогда давайте нарушим традицию. Дарго Ольга Георгиевна. Можно Оля и «на ты».

Девушка напустила на себя торжественный вид и даже, кажется, собралась присесть в книксене.

– Малинка Наталья Дмитриевна. – Но, не выдержав официального тона, пырскнула: – Наташа, конечно. А это Дениска.

Последний уже во всю бунтовал в коляске, требуя свободы передвижения. А то что это такое?! Ведерко есть, лопата – тоже в наличии, а руки до песочницы не дотягиваются!

Новая знакомая принялась выпутывать малыша из застегнутых ремней, а Ольга украдкой перевела дух. В яблочко! С первого раза! Та самая Наташа. Читательница—кладоискательница. Что ж, за такую удачу провидению можно будет простить даже отсутствие такого ценного источника информации, как старушки на лавочках! Только вот что дальше? Честно говоря, она думала, что поиски автора записки окажутся гораздо более длительными, и за это время что-нибудь

да придумается. А теперь? Как перейти к интересующей ее теме? Так и слышится ехидный подсказывающий Ромкин голос: «Скажите, случайно не вы ищите клад на пару миллионов долларов? Да?! Ой, поделитесь сведениями! Я тоже хочу поискать!». Вот и не чувствуй себя после этого ущербной курицей! Ну и ладно! Для начала хорошенько познакомимся. Чтобы продолжать общаться как минимум до тех пор, пока не придумается что-нибудь путное.

Роман закончил консультацию перед завтрашним экзаменом и уже собирался домой, когда оживленно заверещал мобильный. Почему-то эта штукавина всегда чувствует не только тот факт, что звонит именно Олька, но еще и ее настроение. Вот сейчас сто к одному, что супруга чем-то очень довольна. Роман еще с секунду помедлил, потом ухмыльнулся и откинул крышку телефона.

– Привет, Олюнь! Как тебе твоя новая знакомая?

– Ой, слушай, такая забавная девчонка! За пять минут выложила все семейные секреты! И что живут они в восьмером – с двумя старшими братьями, каждый из которых женат, и что для такого патриархального уклада их отец купил и объединил две соседние квартиры...

– Смелый папа!

– Ага! А теперь сам с супругой в загородный дом сбежал, и в «большую, дружную семью» они только по большим праздникам навещаются! У Наташки сын, как наш Глебка,

всего два дня разницы! И рожала она в том же...

Голос жены сбился и затих. Роман еле сдержался, чтобы не захохотать, и терпеливо ждал. Сообразить, похоже, она сообразила. Теперь надо дать ей некоторое время, чтобы голос вернулся.

– Ром... А ты откуда это знаешь, что я пошла искать эту девчонку?

– Интуиция, Олюнь, интуиция. Сколько раз ты упрекала меня, что не успеваешь задать вопрос, как я уже отвечаю? Вот, стараюсь соответствовать репутации!

Трубка молчала – то ли насторожено, то ли обижено, – и Роман подбодрил:

– Что тебе еще интересного рассказали?

– Ну... – голос жены звучал явно озадачено. – У старшего брата фирма, правда, совсем маленькая – то ли ИП, то ли ЧП. Они мебель под заказ делают – шкафы-купе, комоды всякие. Там же и Наташкин муж работает. Сначала, сразу после армии, ее Сашка пошел баранку крутить, дальнобойщиком. А теперь Наташка страшно довольная, муж каждый вечер дома, а то неделями не видела.

– Зато за границу ездил...

– Ага, я тоже сначала от этом подумала. Так Наташка говорит, что вся его заграница – это полдня под погрузкой и назад на таможду. Никакого толку. А средний брат в каком-то издательстве работает. Но, как я поняла, основной заработок у него – это всякие левые заказы. У одного брата жена в на-

логовой, у второго – дома сидит. Наташка мне уже и подробную характеристику выдала, – Олька явно хихикнула в трубке, – кто железобетонная и твердокаменная баба, а кто редкостная стерва. Еще и племянница есть, десять лет уже. Тут обошлось без нюансов. А сама Наташка пробовала пару раз поступать в пединститут, не получилось, поэтому сидела дома. Ну а потом Дениска родился.

– С этим все понятно. А как насчет зарытых сокровищ? – поинтересовался Роман и не удержался, слегка поддел: – Судя по обилию сведений, твоя новая знакомая – девушка очень разговорчивая. Наверняка уже рассказала в деталях, как добраться до клада и даже прутиком в песочнице план нарисовала!

– Ой, Ром... – теперь из трубки плыли явно расстроенные флюиды. – А это не она брала книжку... То есть книжку брала, конечно же, она... Но это не имеет значения... – Ольга слегка запуталась в объяснениях. – Словом, мы решили номерами телефонов обменяться, чтобы вместе в парк ходить гулять. Я сделала вид, что забыла мобильник дома, и попросила ее написать свой номер на бумажке.

– А ручку с бумажкой ты предусмотрительно НЕ забыла?

– Ага. В общем, не ее это почерк на записке. И буквы, и цифры она пишет совсем по-другому.

– Олюнь, да не переживай ты! Помнишь, сколько там было восклицательных знаков? Судя по такой экспрессии, проводивший эти подсчеты человек скорее умер бы, чем расстал-

ся со своей тайной. Так что по-любому тебе ничего не светило бы. А так будешь без всяких задних мыслей общаться с приятным человеком...

Жена вздохнула, а потом просящим тоном протянула:

– Ром... Скажи, а? Как ты догадался, что я с Наташкой познакомилась?

– Олюнь, ты на часы смотрела? Обычно в это время Глебка спит. Все рядовые новости могли бы подождать до моего приезда, я через час буду дома. Если бы ты откопала золото-бриллианты, так позвонила бы уже раз десять-пятнадцать. А вот звонок с соблюдением всех мер звукоизоляции как раз и должен означать что-то среднее. Кстати, в возмещение моральных переживаний могу предложить тебе съездить в Смоляны.

– Ой! Ромка!!! Вечно ты меня дурочкой выставишь! Больше мне делать нечего, как звонить тебе по поводу каждой новой мамочки, с которой я на площадке знакомлюсь!

Роман усмехнулся, но промолчал – надо же дать супруге возможность получить реванш. Охота ей теперь представить все так, будто она вовсе никого не искала, так пускай! Однако Ольга в телефоне на своем весьма спорном утверждении не остановилась:

– Это ты со своей Наташей влез, и я все забыла!

Ага! Он! И именно со «своей» Наташкой!

– А хотела я тебе как раз о Смолянах сказать, – как ни в чем ни бывало продолжала супруга. —Звонили родители,

они едут в Оршу бабулю проведать и зовут нас с собой!

– А по дороге в Смоляны завернем?

– И вовсе Смоляны не по дороге! Это совсем в другую сторону. И туда на маршрутке надо ехать или на автобусе, – запальчиво начала объяснять Ольга и замолчала.

Видимо, сообразила, что опять попалась на его удочку. Роман усмехнулся и поспешил успокоить жену:

– Олюнь, ну я же не против! Давай съездим. И к бабушке твоей – мы же и так собирались везти к ней Глебку, показать, как парень подрос. И поездку в Смоляны, насколько ты могла заметить, я сам предложил. Меня просто слегка забавляет твой азарт. Неужели ты рассчитываешь ковырнуть там землю разок-другой и сразу достать заветный сундучок?

Они устроились на полу вместе с огромным набором мозаики и принялись делать бабочку. Вернее, Ольга выкладывала контур, Глебка с энтузиазмом заполнял его разноцветными фишками, а Роман просто лежал рядом. Казалось, даже задремал. В общем, семейная идиллия.

Поскольку в ее более деятельном участии в развлечении никто не нуждался, Ольга погрузилась в свои мысли. Конечно, Ромка прав. Смоленский замок занимает огромную площадь, никаких указаний, типа «копать с северной стороны одинокого дерева на вершине холма», не имеется. Так что никаких сокровищ они не найдут, об этом и речи не идет. Будь это так просто, их бы уже давным-давно достали. «Если

они вообще существуют!» – усмехнулась Ольга своим мыслям. Сомнительная записка, еще более сомнительны ее собственные выводы из нее, а клад приобрел уже какие-то слишком реальные черты. Вон уже и рассуждает, легко ли его достать! Но съездить все равно хочется. Посмотреть другими глазами на замок, что ли? Или все-таки найти неприметную лазейку в подземные ходы?

Темное стылое подземелье. Пальцы касаются чуть влажной стены из старого, непривычно тонкого, кирпича. Огонек свечи дрожит, отбрасывая на высокий сводчатый потолок неясные тени. Где-то мерно и гулко капает вода. Капли падают так редко, что каждый новый звук пугает своей неожиданностью. Скользящая по стене рука неожиданно проваливается в боковой проем. Надо поднять подсвечник повыше и осторожно заглянуть в темный ход. Туда уже совсем не доходит мизерный свет от входного лаза, а пламени свечи хватает только на то, чтобы осветить пару обветшалых ступенек, ведущих вниз, в черноту. Дальше приходится двигаться почти на ощупь. Вот спотыкаешься о какое-то неожиданное препятствие... Пальцы ощупывают крышку сундука, с трудом приподнимают ее... Мрачное подземелье озаряется сверканием драгоценностей! Матово сияет нежный жемчуг! Рядом солнечные переливы золота! А вот яркие всполохи изумруда! Последнее почему-то представлялось в виде тонких зеленых лучей, которые испускает неодимовый лазер. Ей такой на работе показывали!

– Лопату берем? – вернул ее к действительности голос мужа.

– Какую лопату? – Ольга, вся еще во власти своих радужных видений, недоуменно похлопала глазами.

Затем собрала лоб складочками и подозрительно уставилась на супруга. И чего это он ухмыляется? Какую лопату? Чтобы копать? Ах, вот оно что! Вот паразит! Вместо того чтобы мирно сопеть на коврике, лежал и минут пять наблюдал, как она витает в облаках! Затуманенный взгляд, рот приоткрыт, выражение лица – дурацкое! Ольга быстренько насупилась – в воспитательных целях! – а Роман поспешно прикрыл голову руками. Не сильно ему это и помогло! Все равно получил по башке подвернувшимся плюшевым тигром!

– Оленька, не обижайся! И вправду смешно ведь! – голос Роман из под сложенных домиком ладоней прозвучал жалобно.

Но она все равно наябедничала сынишке:

– Наш папа – бяка!

Может, все-таки съездить посмотреть? Хотя бы походить вокруг, заглянуть в подвалы? Черт, кажется, вот уже лет десять с приближением лета – и появляющейся возможности устроить себе заслуженный отдых! – он говорит себе одно и то же. И никогда не находит времени. То отправляется с женой в Крым или, там, в Турцию. А если остается в го-

роде, то ему сразу начинает казаться, что без него ребята не справятся, что-нибудь завалят, напортачат, и он принимается тягаться каждый день на работу. И какой из этого следует вывод? Олег усмехнулся сам себе: «Да просто в глубине души ты уверен, что все это бабушкины сказки. Читать перед сном – это пожалуйста, хоть каждый вечер! А как совершать реальные телодвижения – то тут здравый смысл начинает протестовать».

Маленьким ключом он отпер нижний ящик комода и вытащил толстую картонную папку, в которой были подколоты не бумажки, а разноцветные скоросшиватели. Подписанные. А что? Очень удобно! Так куда легче найти искомое, чем когда все документы свалены в одну кучу. Пальцы привычно пробежались по корешкам и замерли. Что-то тут не так. Он поднял всю стопку и внимательно взгляделся. Так и есть. Кто-то здесь копался. Даже не просто копался – а вынимал отдельные скоросшиватели. А потом потрудились тщательно замести следы. Вернуть все на место. Почти на место. Не учел только одного нюанса. Олег усмехнулся, как будто заранее прощая себе маленькую слабость. Но ведь и действительно небольшая?! Кто-то раскладывает предметы по размеру, кто-то еще как, а вот он любит, чтобы цвета были что называется «со смыслом». Ну не в состоянии он, к примеру, положить на письменный прибор сначала стопку желтых стикеров, а потом наверх зеленые и красные! Глаз режет. Надо чтобы сверху были красные, а зеленые в самом низу! Как

в светофоре. Тогда правильно! Вот и сейчас в папке присутствовал такой же незначительный и неприметный стороннему взгляду беспорядок. Зато ему не только понятно, что в столе копались чужие руки, но и даже ясно, чем именно они интересовались. Так как вот эта синяя папочка в соответствии с раскладом цветов в радуге должна быть подколо́та под голубой, а вовсе не над ней!

Олег быстро отколол синюю папку и пролистал вложенные туда документы – каждый старинный листик в отдельном прозрачном конвертике! Вроде ничего не пропало. Уже лучше. Теперь можно подумать, кому это понадобилось шарить в их комод. И, главное, как? Единственный ключ – у него на связке и, на сколько ему помнится, никому он его никогда не давал. Не потому, что секреты огромные – какие уж там секреты! – просто разные мелочи, вещицы и документы, скорее памятные, чем ценные. Все, что осталось – нет, не от родителей, родители, слава Богу, живы! – а от умерших бабушек, дедушек и так далее. Так что и запирает он их скорее от племянников, чем от большой тайны, просто чтобы не испортили то, что ему дорого. Их с женой паспорта, аттестаты, дипломы и так далее – тоже заперты, но в другом ящике комода. Денег он дома вообще не держит, привык карточкой везде расплачиваться.

Вместе с папкой он устроился на диване и принялся гипнотизировать картину на противоположной стене. «Значит, что?» – подмигнул он обнаженной девице, возлежащей

на спине у льва. Лев был царственен и ничуть не обеспокоен своей ролью шезлонга, а девица весьма и весьма соблазнительна. Девицу и льва подарили супруге клиенты. Причем, она до сих пор не знает, кто именно. Знала бы – небось, на голову надела бы! А так пришлось домой тащить! Не в кабинете же это непотребство вешать?!

«Да уж, характер Светкин изменился почти неузнаваемо», вздохнул Олег. Лет пятнадцать назад, небось, хохотала бы, как сумасшедшая, представляя себе экспозицию: заходит к ней высокое начальство, а вместо сотрудника голая девица во всю длину своего роста! А теперь... Работа на нее, так что ли действует? Впрочем, и от высокой гибкой девчонки с копной рыжих пушистых волос уже давно ничего не осталось.

Олег отвернулся от мулаточки – все равно ведь соображалки у нее ноль! – и попытался возвратиться к уплывшей куда-то мысли. О чем он думал? А! Раз ключ существует в единственном экземпляре, значит, кто-то изрядно потрудился, чтобы добраться до комода! Это же надо улучшить момент, стянуть у него ключ, сделать копию, а потом еще и незаметно вернуть на место. И все это ради чего? Ради вот этих вот документов!

«Вот, черт! – выругался он и, вскочив, заходил по комнате. – И вот чего было раньше этим не заняться?! Ведь тянуло же, тянуло! Ладно, брательник – тот бабкины рассказы ни иначе, чем средневековой чушью, и не называл. Сест-

ра, конечно, слушала с удовольствием, но только как сказку. Принцессы, заколдованные замки, отважные рыцари... Но меня-то точил червячок сомнения: а вдруг – правда?!».

Олег бросил взгляд на раскрытую папку. Что ж, значит, теперь и еще кто-то заинтересовался этим письмом с того света. Хорошо хоть, написано на старобелорусском, так что даже если кто и попытался прочесть, так навряд ли что понял. Кстати... А где же перевод?! Олег судорожно пролистал страницы. Последний прозрачный файл был пуст. Стоп. Не паниковать. Он оперся рукой о стену и прикрыл глаза. Пришлось пару раз глубоко вдохнуть, чтобы избавиться от ощущения чьих-то пальцев на горле. И он тут же усмехнулся сам себе: «вот, значит, только когда ты испугался по-настоящему! Значит, чье-то любопытство вызывало всего лишь легкую тревогу. А вот когда оказалось, что кто-то мог успеть не только к тайнику съездить, но уже и вернуться – тогда и дыхалку сперло, и сердечко готово прихватить! Интересно, какая у них фора? Сам я последний раз читал перевод... Когда же это было? Еще кто-то позвонил... Черт, да я же сам его куда-то сунул!». Воодушевившись, Олег подскочил к телефону – даже трубку снял для лучшей реконструкции! – и заглядывался в поисках места, куда можно было бы пристроить бумажки, которые вдруг стало неудобно держать. Бар? Мимо. А тут? Он запустил пальцы в узкую щель поверх книг, занимающих верхнюю полку их секции, и тут же что-то нащупал. Точно! Вот они, пожелтевшие

и слегка обтрепавшиеся на сгибах листики.

Значит, фортуна решила пока только поугадать его. Намекнуть, что не стоит пренебрегать ее благосклонностью. Милостиво поблагодарим своенравную даму и клятвенно обещаем исправить собственное разгильдяйство в ближайшие же выходные! «Надеюсь, – Олег шутовски поклонился воображаемой собеседнице, – госпожа не сочтет это слишком долгой отсрочкой? В качестве оправдания могу заметить, что мне, как минимум, стоит обзавестись каким-нибудь снаряжением!».

Он сложил все назад в скоросшиватель. И куда теперь это деть? Жаль, до сих пор сейф не приобрел! Оказывается, очень полезная вещь! «Ладно, сегодня я весь день дома, так что засуну пока назад в комод, ничего с ними не станет. А потом придумаем что-нибудь получше».

Душная, перегретая маршрутка высадила на небольшой площади в центре Смоленя только их двоих и умчалась дальше, в Агрономическую.

– Нормальные люди за пиратскими сокровищами с аква-лангом ныряют или по разбойничьим пещерам лазают. А мы с тобой так цивилизованно, на «Газели» приехали, – то ли пожаловался, то ли похвастался Роман и тут же закрутил головой по сторонам. – Напомни-ка мне местную географию.

– Тут не заблудишься. Почти все вдоль одной дороги. Вон – отсюда уже видно – впереди и справа костел. Даль-

ше церковь. Та, которая деревянная, действующая. Она будет слева от дороги. А потом и замок. За деревней и тоже слева. А к Алексеевской церкви, полуразрушенной, куда-то туда идти, – и Ольга махнула рукой в перпендикулярном направлении.

Взбодрившись еще не успевшей нагреться минералкой, они пошагали по пыльной деревенской улочке и вскоре оставили позади последнюю хату. Старательно обошли полукругом большого белого быка, навязанного на небольшой лужайке. А заодно с ним – и стадо гусей. Так, на всякий случай. А потом уперлись в густые заросли.

– Насколько я помню, в этих кустах должна быть еще и речка? – роман неодобрительно оглядел препятствие.

– Ага, Дерновка называется. Она как раз здесь делает петлю, охватывая холм с трех сторон. Очень удобное место для замка получается.

– В третьем тысячелетии могли б сделать место удобным и для туристов, – проворчал Роман и добавил: – Еще и колючки какие-то! Постой смирно, пока я проход поищу.

Он пару раз нырнул в кусты – там, где заросли казались чуть пореже, и с четвертого захода обнаружил два бревна, перекинутых через узкий, но довольно глубокий поток. В три шага преодолел импровизированный мост и позвал:

– Олюнь, давай сюда!

Даже с такого расстояния можно было различить, как вытянулось лицо пробравшейся через хитросплетение веток

супруги. Ну конечно – у нее голова даже на каблуках уже начинает кружиться! А тут вон какая высота над водой – целых двадцать сантиметров! Да еще без малейшего намека на перила!

– погоди, бедолага, я за тобой приду!

– Не, я сама! Буду тренировать силу воли!

Вы только посмотрите! И вправду примерилась – и побегала! И ничего страшного, что глаза закрыла! Роман поймал разогнавшуюся жену на краю большой лужи.

– Стой. Дальше болото.

Действительно, за мостком, в высокой траве у подножия холма, кое-где еще оставались мокрые, как будто топкие места – то ли следы весеннего паводка, то ли весенних же дождей. Один такой участок – небольшой, всего-то метров десять в ширину – они пытались преодолеть довольно долго, раз за разом возвращаясь назад. Очень уж не хотелось промочить кроссовки. Роман замучался вытягивать шею, высматривая проход.

– Мы с тобой как «полесские робинзоны», – пошутила Ольга, когда они наконец-то выбрались на сухое место.

– Я себя скорее страусом в саванне чувствую, – проворчал Роман, потирая шею.

– Хочешь массаж...

Не закончив заманчивое предложение, жена внезапно замолчала и схватила его за руку. Роман проследил за ее взглядом. У руин замка были явно различимы три человеческие

фигуры.

– Никак конкуренты в погоне за кладом?

Он искоса оглядел прилегающую местность. А ведь довольно безлюдно! Сам холм покрыт только реденькой травой, но отделяющие его от деревни заросли надежно скрывают все, происходящее здесь. И приглушают звуки.

– Слушай, давай не пойдем. – Ольга перешла на шепот. – Мужики какие-то, кто их знает, что им тут надо.

Рискнуть? Или сначала отправить Ольку назад?

– Молодые люди, подходите-подходите, не стесняйтесь!

Донесшийся от замка бодрый голос придал ему решительности:

– Пойдем, – Роман потянул жену за руку. – Кажется, эти незнакомцы довольно радушные.

– Прошу к нашему шалашу, – приветливо махнул рукой на развалины маленький пожилой человечек, когда они, наконец, слегка запыхавшись, взобрались к руинам. Судя по голосу, это именно он позвал их к замку. Впрочем, оставшиеся двое – молодые парни лет по двадцать-двадцать пять, одетые только в рваные джинсы и бейсболки – вряд ли стали бы обращаться к ним «молодые люди».

– Впервые в этих местах? Издалека приехали? Интересуетесь? – сухопарый, живой как ртуть, человечек восторженно блестел глазками и отчаянно жестикулировал. – Впрочем, прошу прощения, – он приложил руку к сердцу, а затем протянул ее Роману. – Крашевский, Ян Сигизмундович, исто-

рик, доктор наук, профессор. Заведующий кафедрой этнографии и фольклора Института истории и культуры Беларуси. А это мои аспиранты, второй курс закончили, уже диссертации готовят.

– Антон, – представился высокий стройный юноша с тонким, интеллигентным лицом.

– Вовка, – потянул руку веснушчатый крепыш.

– А вон и Паша идет, – профессор махнул рукой вниз, к реке, – так что вся наша команда сейчас будет в сборе.

Невысокий, смугловатый парень поднимался к замку немного не с той стороны, откуда пришли они сами – видимо, перебраться через речку можно и в другом месте. Роман, решивший не повторяться и представить себя и супругу всей компании сразу, огляделся вокруг. Действительно, для укрепления лучше места не придумаешь! Холм, хоть и невысокий, возвышается над более-менее равнинной округой. Перед въездом в Смоляны они миновали еще один косогор, с расположившимся на нем местным кладбищем, но отсюда его почти не видать – далекогато. Речка, как будто специально пущена по обводному рву – вон и там поблескивает на солнце, и там в кустах видны какие-то блики. Словом – идеально для оборонительного сооружения. Только вот с самим сооружением беда... Закончив с рекогносцировкой Роман перевел взгляд на приближающегося парня. Пожалуй, похож на молодого сильного леопарда. Нет, леопард – крупное животное. Значит, оцелот. Поменьше, но, несомненно,

такое же грациозное. И уверенное в своих силах.

– О, у нас гости! Профессор, несомненно, уже успел доложить вам всю историю замка от сотворения мира и до сих дней?

В голосе подошедшего молодого человека звучала явная насмешка. «Пожалуй, мои собственные аспиранты на такое не отважились бы!», решил Роман и не удержался – покосился в сторону самого старшего из мужчин. Профессор, которому явно не стоялось на месте, казалось, не услышал ни слова и уже действительно куда-то пытался тянуть Ольгу, размахивал руками и что-то объяснял. А вновь прибывший уже протягивал Роману ладонь:

– Павел.

Затем он бесцеремонно завладел второй Ольгиной рукой – за локоток первой ее уже придерживал профессор – и быстро поцеловал кончики ее пальцев.

– Мадам! Вы так обворожительны!

От неожиданности Ольга совсем по-детски вырвала руку и отпрыгнула. И даже попыталась спрятаться за Романа. Нагловатые веселые глаза, блеснувшие из-под темных бровей, отследили ее перемещение, а красивые губы расплылись в ухмылке. Вот паршивец! Явно доволен произведенным эффектом! И, судя по тому, как остальные парни с готовностью рассмеялись, подобный трюк он проделывает не впервой.

– Бойкий мальчик, – чуть слышно пробормотал Роман и продолжил громче, обращаясь уже ко всем: – Дарго Роман

Геннадьевич, доцент кафедры общей физики.

– Ольга, – улыбнулась его жена, решив сократить представление собственной особы до минимума, и кивнула профессору: – Я тоже в Академии Наук работаю.

– О! Коллега! Ученый! А в какой отрасли? Ботаника? Генетика?

– Увы. Всего лишь инспектор по кадрам. В ИМАФ-е, Институте молекулярной и атомной физики.

– Это же рядом с нами, на Сурганова? Ждем-ждем, обязательно ждем в гости! – профессор довольно потер ручки. – А пока... – он повернулся к руинам. – Наслышаны? Желаете узнать подробности?

Не дожидаясь ответа, историк резво запрыгал вперед. Роман с Ольгой двинулись вслед за ним и через пару метров уже заглядывали в довольно глубокую траншею, отходящую от единственной уцелевшей башни.

– Вы были в Мирском Замке? Ну, конечно же, вы были в Мирском замке! Все были в Мирском замке! – спросил и тут же сам себе ответил профессор. – Вы помните, какой он огромный? Так вот, этот был по площади в три раза больше! И красивее, да, красивее! Широкие окна, украшенные картушами. Изысканный рельефный декор башен, фасадов. И он был белоснежный, оштукатуренный и белоснежный! «Белый Ковель» называли его! А знаете, почему Ковель? Князя Сангушки выменяли Смоляны, Горваль и Обольцы у московского князя Андрея Курбского. А взамен отдали Ко-

вель, что на Волыни. Вот в память о главном родовом имении Сангушки-Ковельские и назвали так свою Смольянскую резиденцию. Красивейший замок! А вот о внутреннем его убранстве сейчас судить сложно. Все историки упоминают знаменитые угловые каминные в покоях замка, украшенные изразцами с геральдическими и растительными сюжетами. Известно также, что стены парадных помещений были расписаны удивительными фресками, которые, впрочем, погибли почти сразу же. Сам же Самуэль Семен Сангушко, при котором строили замок, и велел их закрасить, как вступил в пору старости. Заменить религиозными сюжетами о неотвратимости смерти и забвения. Впрочем, и это все утрачено. Остались только подвалы. И несколько подземных ходов...

1708 год, июнь

...Катерина смотрела сквозь струи дождя, бежавшие по стеклу. Противоположное крыло замка – серое, почти черное. Ни искры света в огромных темных проемах окон. Не по-летнему хмурые тучи, казалось, опустились прямо на крышу и стекали вниз, во двор. Холодно. От сырых стен тянет стылостью. Когда последний раз топили? Она забыла. Катерина перевела взгляд на свои тонкие, почти прозрачные кисти. Надо наконец-то собраться с силами и спуститься в подвалы, посмотреть, что там осталось из еды. Когда последний раз пополнялись запасы, она тоже забыла. Местечко опустело. Люди зарыли зерно, у кого оно еще оставалось, и ушли в лес. И вся дворцовая челядь, которую традиционно селили за пределами замка, в собственных домах, тоже ушла. Страх перед надвигающейся войной оказался сильнее обязательств перед княжеской семьей. Впрочем, из всего рода в замке только она одна и осталась. Даже находишь прислуга рядом с ней, да хоть в ее собственных покоях, как бы она удержала их? Катерина никого не осуждала. Еще живы те, кому удалось спастись в страшной войне против Речи Посполитой русского царя Алексея Михайловича. Мстиславль тогда вырезали весь, а это пятнадцать тысяч... В Гомеле не уцелел практически никто... За тринадцать лет, с тысяча шестьсот пятьдесят четвертого по шестьдесят седь-

мой, в Великом княжестве погиб каждый второй. А здесь, в Витебском воеводстве, ближе к восточной границе – уничтожено две трети. И люди помнят об этом. А кто не помнит, тому рассказывали. Пока что еще есть кому помнить и кому рассказывать. Сейчас под Бешенковичами и Чашниками стоит русский царь Петр. И молва о нем летит впереди его армии, и хуже она, чем слава батюшки его, не поминаемого к ночи. Одни зарубленные в Полоцке священники чего стоят. Не погнушался царь собственноручно к сабельке приложится, не погнушался. А дальше еще хуже. Правитель, искренне считающий себя верующим, не удостоил умерщвленных даже христианского погребения. Велел тела викария Константина Зайковского и еще четырех жертв своего разгула сжечь. Да пепел над Двиной развеять – дескать, чтоб могилы их не стали местом паломничества. Ненавидел русский царь униатов, вот уж воистину «в чужой монастырь, да со своим уставом» – и в прямом смысле, и иносказательно.

Катерина, получившая воспитание при утонченном дворе королевы Марии Собоеской, считала русских почти варварами... Но когда шведы вошли на территорию Речи Посполитой, когда они захватили Вильнюс, Гродно, дорогую ее сердцу Варшаву... Что ж, она приняла как должное союз с Россией. Пускай будет союз с варварами, если это поможет вернуть шведов туда, где им Бог отвел место под солнцем. Она – княжна из рода Сангушков и Сапегов, она – жена Станислава Радзивилла, канцлера Великого княжества Ли-

товского. И даже если она не Орлеанская Дева, чтобы самой защищать свою страну, что ж, она видит свой патриотический долг в правильной гражданской позиции! Катерина даже сейчас невольно улыбнулась своим возвышенным мыслям. Хотя тогда она была на пять лет моложе... Может, в силу возраста ей прощительна такая патетика? И наивность... Потому что потом шведы сожгли радзивилловские Мир, Кареличи, Несвиж... И стало понятно, что на войне и европейцы шведы, и азиаты русские – одинаковые варвары. И было ясно и просто: здесь – враг, здесь – союзник. Черное и белое. Главное, что это – союзник, а достаточно ли он цивилизован уже и не важно. И она всей душой приветствовала бы русских... Тогда она даже пробовала представить себе эту встречу, правда, немного страшась все же. Катерина снова улыбнулась. Три года назад она мельком увидела обер-офицера драгунского полка москвитов и несказанно удивилась его вполне европейского крою форме – и камзол, и кафтан, и треуголка. Даже сапоги со шпорами! А она, помнится, ожидала чего-то, закутанного в дерюгу, с тяжелым взглядом из-под мохнатой шапки, с перначом в руках... Она смотрела на офицера и понимала, что вот до этой самой минуты все равно больше боялась прихода армии такого вот союзника, чем врага. Несмотря на все свои самые патриотичные чувства. Что ж, ей стало немножко легче.

А потом ей доставили официальный лист от мужа ее. С уведомлением, что он поддержал детронизацию Августа

П, короля польского и великого князя литовского, и перешел на сторону шведов и их ставленника, Станислава Лещинского. И мир Катерины встряхнулся и замер под каким-то неестественным углом. Она долго смотрела на желтоватую бумагу. Красиво выведенные буквы, ровные строчки. Муж даже не потрудился написать ей собственноручно. Продиктовал секретарю канцелярии. А может, простому писарю или дьяку... Но даже это не столь важно. В конце концов, она уже привыкла. Но... Внизу печать. Не сигнет, который он носит не снимая на левом мизинце, приложил муж к мягкому воску, приличествующему личным посланиям. И не радзивилловский герб родовой печати смотрит на нее. Большая печать Великого княжества Литовского. Катерина осторожно провела пальцами по застывшему сургучу. Насколько писанный дьяком лист недостоин ее, настолько же она недостойна этой печати. Канцлер получает ее из рук великого князя как знак наивысшего доверия при вступлении в должность. Рука касается руки, глаза смотрят в глаза. А уста произносят присягу... И этой же печатью теперь скреплена измена. Катерина еще раз коснулась красного отпечатка. Как квинтэссенция предательства. Что более вероломно? Отречение от своего короля? Или переход на сторону врагов твоей родины? И что теперь делать ей? Оставить мужа, которому в храме обещала быть вместе и в радости, и в горе? Или быть преданной женой, зная, что он не достоин твоей верности? Катерина сидела над бумагой и смотрела сквозь нее. А потом...

Потом оцепенение, в котором провела она больше часа, убило все мысли. Ей стало все равно. Катерина аккуратно сложила лист по сгибам, машинально разгладила его и стряхнула отколовшиеся крупинки сургуча. Бездумно скользнула взглядом по теряющимся в сумерках темным резным шкафам. Оказывается, уже почти стемнело. Она и не заметила. Не выпуская письма из рук, она подошла к угловому столику, чтобы зажечь свечи в жирандоли. Мягкий свет еще больше сгустил темноту за ее спиной, коричневым блеском разлился по полированной поверхности ларца, отразился в его медной оковке. Скорее даже не ларца, а небольшого сундучка крепкого дерева. Катерина откинула крышку. Самое узкое, продольное отделение плотно заполнено документами – наружу смотрят лишь их потертые сгибы. Акты и грамоты ее рода – на владение местечками и землями, на право собирать торговую пошлину, купчие, меновые, несколько духовных. Здесь же хранится фундуш⁶ ее родителей о пожертвованиях доминиканскому ордену на основание монастыря с костелом в Смолянах. Катерина с трудом втиснула письмо мужа между другими бумагами, как будто пряча его подальше с глаз. Собственно, так оно и будет. Остальные три широких поперечных отделения сундучка тоже заполнены. Золотые дукаты и португалы занимают два из них. В третьем – украшения.

⁶ *Фундуши* (от лат. *fundus* основа) — в ВКЛ акт, согласно которому костелам, церквям, монастырям, учебным заведениям жертвовались денежные средства, движимое и недвижимое имущество, а также само пожертвование.

Катерина старалась отобрать самые дорогие, и в то же время миниатюрные – матушкина диадема, например, не поместилась бы сюда никак. Да и Кароль велел брать только самое ценное. Сразу по завершению работ брат уехал, а она должна была закончить с драгоценностями и выехать за ним через три дня. Но она все тянула и тянула с отъездом. Быть может, ее интуиция ждала этого письма?

А потом вдруг оказалось, что уезжать поздно. Как она умудрилась здесь застрять? Одна – ее Агнешка не в счет – между двух сходящихся армий, в мрачном отцовском замке. Впрочем, это сейчас он казался ей неприветливым. Пустые залы. Гулкое это. Жутковатые росписи на стенах. Пыль. И холод. Как же холодно! Наверное, даже снаружи теплее.

Катерина снова смотрела во внутренний двор, залитый водой, в которой плавали неубранные еще с осени черные листья. Стоки забились. Надо бы их почистить. Только знать бы еще, где они, эти стоки... А как хорошо было при отце! Теплая летняя ночь. Свет факелов, закрепленных на стенах между окнами, заливают весь двор, отражается в драгоценностях на одежде женщин и в оружии мужчин. Смех. И музыка! А картины на стенах? Что ж, она старалась не смотреть на них. Настроение от воспоминаний испортилось еще больше, если это возможно. Ну конечно! Это ведь был ее последний бал в Белом Ковеле. Ее свадьба. Ей шестнадцать лет, а ее мужу, тогда еще подканцлеру Княжества, двадцать три. Но выглядит он гораздо старше. Рано рас-

полневший, краснеющий от выпитого рейнского не только обрюзгшим лицом, но и всей большелобой головой... А нынче? За последние восемь лет сколько раз она видела своего супруга? Три? Нет, кажется, четыре. Ей сейчас тридцать два и ровно половину своей жизни она замужем. И почти все свое замужество она одна. Даже своего мальчика, своего Крыштофа, она запомнила лучше всего пятилетним. Ласковый, нежный ребенок, обвивавший ее шею своими еще младенчески толстенькими ручками. А потом отец забрал его. Началась война, и сын должен получить правильное воспитание. То есть не женское. Десятилетний Крыштоф в последнее их свидание подошел лишь вежливо поздороваться с ней, тенью следуя за отцом и во всем копируя его. Сейчас ему тринадцать. И отец обещал ему должность княжеского подстолия. «Правда, – усмехнулась она, – теперь уже не понятно, при дворе которого великого князя?».

– Пани! Пани! – заполошенный Агнешкин крик заставил ее вздрогнуть. – Солдаты! Верхами солдаты едут, я с башни углядела!

Служанка рухнула рядом с ней и вцепилась в подол платья. Ее маленькие пальчики судорожно теребили и дергали ткань.

– Далеко ли? – Катерина попыталась встать и Агнешка тут же подскочила, ее мелкое личико было покрыто капельками пота от ужаса.

– За костелом еще! Бежимте, пани, успеем схорониться!

Катерина посмотрела на служанку. Она не сильно удивится, если та сейчас еще и в обморок упадет. Прошедшей зимой не было вечера, чтобы Агнешка не приходила к ней с рассказами о новых ужасах, творимых шведами. Надо было, наверное, запретить девчонке ходить в местечко. Хотя она ведь и сама так же жадно ловила слухи. Сейчас и русские и шведы стояли одинаково близко к Смолянам. И кто же добрался до ее замка первым?

– Кстати, а чьи войска? – озвучила Катерина свои мысли.

– Ой, пани, не разумею я в их мундирах!

Агнешка уже пританцовывала на месте, готовая сорваться с места в любую секунду, а Катерина все медлила. Она даже улыбнулась – ну вот и все, наконец-то закончится весь этот растянутый на столько месяцев ужас. Она так устала бороться. Ей по большому счету даже неважно, какое знамя она увидит у своих ворот. Только бы быстрее. Услужливое воображение попыталось напомнить ей те картинки, которыми они пугали себя зимой, думая о том, что могут сделать солдаты с двумя беззащитными женщинами. Сердце Катерины на миг сжалось, но облегчение от скорого конца пересилило этот спазм. Она провела рукой по складкам темного шелка – на крайний случай у нее есть кинжал. А Матерь Божья простит, Катерина ей все объяснит, когда они, даст Бог, увидятся. Она окинула взглядом комнату – ларец так и остался в углу, только на пол его переставили. Что ж, и это тоже поздно. И жить поздно. Все поздно.

– Иди, милая, спрячься, если повезет, – она ласково коснулась плеча девушки. – Я сама их встречу.

Катерина медленно пошла через анфиладу залов. Агнешка нерешительно двинулась следом, умоляюще косясь на хозяйку и кусая губы, уже и без того почти фиолетовые. Вот одна из винтовых лестниц, для удобства соединяющая покои всех четырех этажей. Катерина еще раз улыбнулась Агнешке и махнула рукой в сторону проема, ведущего на ступеньки. Иди, мол. Девчонка прижала руки ко рту, секунду помедлила, а потом, круто развернувшись, помчалась вниз, только ворох юбок взметнулся. Катерина слышала стук ее башмаков этажом ниже, а потом и он стих. Ну, чего еще ждать?

Решительно вскинутая головка княжны проплыла над балюстрадой парадной лестницы, и Катерина ступила на матово блестящий мрамор бальной залы. Темные, почти неразличимые портреты на стенах, темное дерево высоких спинок стульев... Пожалуй, она в своем платье здесь просто потеряется. Нет уж, она не хочет смотреть, как мимо нее, не замечая, будут шнырять солдаты. Не хочет с ужасом следить за ними, а потом, встретившись с одним глазами, увидеть в них сначала недоуменное – что это за бледная статуя тут сидит? – потом радостное изумление, а потом и плотоядную похотливую ухмылку. Катерина поспешно обошла залу, зажигая все высокие белые свечи, и передвинула один из стульев так, чтобы хорошо были видны входные двери. Пожалуй, немного похоже на трон. Как будто королева ждет пред-

ставления иноземных послов. Но уж лучше так, чем быть вытасченной за волосы из-за бочек с вином в погребе. Она сложила руки на коленях, и время остановилось.

О чем думают люди перед смертью, если у них есть вот такие спокойные десять-пятнадцать минут, полчаса? Оказывается, ни о чем. Ей не хотелось ни о ком вспоминать. Не о чем было жалеть. Единственная посетившая ее мысль о том, что солдаты могли остановиться в местечке, и дойдут до замка только завтра, заставила ее вздрогнуть. Только не это! За бессонную ночь, полную метаний по темным переходам, как по запертой клетке, опять пробудятся чувства, и жалость к себе, к своей молодости, и желание спастись. Катерина уже почти вскочила, чтобы куда-то бежать – то ли спрятаться, то ли самой отдаться в руки врагу. И двери, словно сжалившись над ней, наконец-то открылись. Не распахнулись, ударившись об изразцы угловых каминов. И не заскрипели, приотворяясь душераздирающе медленно. Открылись спокойно, как-то по-домашнему, и также по-домашнему тихо разговаривая вошла группа офицеров, держа в руках мокрые треуголки. С синих кафтанов тоже текло. Кажется, даже камзолы лосиной кожи блестели от воды. Один из шведов негромко рассмеялся и похлопал по спине товарища, видимо, младшего не только по возрасту, но и по чину. Они даже не сразу заметили ее, так торжественно устроившуюся посреди залы на импровизированном троне. Катерина словила себя на мелькнувшей досаде от уязвленного женского тще-

славия. Вот уж о чем самое время вспомнить!

Она встала и двинулась к мужчинам. Офицеры, уловив шелест ее платья, обернулись и замолчали. Катерина бесстрашно и с легкой улыбкой от недавней забавной досады шла к ним и неотрывно смотрела на самого старшего. Высок. И статен. Непривычно светлые волосы забраны в короткую косицу. Или они седые? В таком свете не разглядеть. Он что-то произнес, Катерина не вслушивалась. Она уже успела рассмотреть серые глаза, глубокие и чуть прищуренные, высокий породистый лоб, приятно очерченные губы. Остановившись, она ждала дальше. Может мимика, схваченное на лету выражение глаз выдаст ее участь? Скорее бы. Она так измучалась этой неясностью. А его взгляд оставался прежним – доброжелательно-внимательным. Странно.

– Его величества короля Швеции Карла XII генерал-адъютант Георг Канифер со свитой и охраной, – еще раз терпеливо повторил офицер, ожидая от нее хоть какой-нибудь реакции.

Она что, стала понимать шведский язык? Катерина изумленно уставилась на него, совсем невеликосветски открыв рот.

– Пани не разумеет по-белорусски? – переспросил он на польском, чуть насмешливо изломав бровь.

– Извините, генерал, – опомнилась она и отчаянно покраснела. Наверное, он принял ее за деревенскую дурочку. – Никак не ожидала услышать свой родной язык от шведского

генерала. Даже местная шляхта уже предпочитает говорить по-польски.

– Я не швед, я родился в Лифляндии, – объяснил он. – Впрочем, это не имеет значения. На войне всегда предпочитаю знать язык противника. Простите.

Непонятно, за что именно он извиняется? За эту войну? Хотя она ужасна и жестока, но навряд ли воин станет стыдиться того, что он воин. Или за то, что он лично для нее является врагом? Но с чего бы ему было важно ее мнение о нем? Просто любезность воспитанного человека? Или... Интересно, а могла бы она ему понравиться? Катерина вообразила себя рядом с этим высоким, статным мужчиной, представила свою руку в его сильных пальцах. Они бы неплохо смотрелись... «Ой, кажется, меня куда-то не туда занесло!» – Катерина схватилась за щеки, опять запылавшие, как спелая калина на снегу. Просто беда с этой светлой кожей. Она подняла взгляд на генерала. Ну, конечно! Невозмутим, а глаза смеются! Не дай Бог, он читает по ее лицу, как по раскрытой книге! Этот мужчина слишком взрослый. Слишком опытный по сравнению с ней. Ей тридцать два, а она все еще ощущает себя девчонкой, особенно перед ним – ему, наверное, лет на десять больше. Единственный положительный момент – кажется, он не насмеяется над ней. Или просто привык, что барышни на выданье млеют перед ним? Господи, да о чем она опять думает?! Катерина почувствовала, что сейчас расплачется. Как умудрился этот человек, ниче-

го не сказав, так уязвить ее гордость? Или все дело в ней? Как сказала бы ее старая нянька – «мужа тебе, девка, надо». Странно, но эта грубоватая, в общем-то, мысль принесла ей облегчение. Да, все дело в этом. Она просто слишком давно лишена мужского внимания. Даже просто мужского общества. Вот и смущается от взгляда первого встречного-попечерного. Но кроме нее об этом знать никому не обязательно.

Катерина расправила плечи и безучастно, даже несколько надменно, взглянула на генерала. «Кажется, ему понравилось, что я так быстро справилась с собой», – мелькнула у нее мысль, но она тут же ее отогнала. Нечего вообще думать о нем. Недостойн. И Катерина еще выше задрала остренький подбородок.

Легкая улыбка чуть тронула губы генерала: «Молодец, девчонка. И как же хороша! Стройна, грациозна, но в глазах прячется возраст не юный. Сколько же ей? Двадцать? Двадцать пять? Впрочем, – одернул он себя, – надо вернуться к насущным проблемам».

– Пани, мои солдаты разместились в местечке и, кажется, уже оприходуют запасы местного населения. Мы ждем обоз из Курляндии, который собирает генерал Левенгаупт, а пока... – и он слегка виновато развел руками.

Катерина неопределенно кивнула, не совсем понимая, какие выводы ей следует сделать из его сообщения. Генерал, между тем, продолжил:

– Мы же вынуждены воспользоваться вашим гостеприим-

ством. Охрана осталась внизу, они заняли какое-то помещение. Господа, – он повернулся к офицерам и по-очереди представил их хозяйке замка.

Один, помоложе, молча поклонился ей, второй что-то сказал, вежливо-любезное, судя по тону, но совершенно непонятное. Генерал улыбнулся, но не счел нужным перевести. Наверное, это был комплимент, который он посчитал неуместным по отношению к хозяйке захваченного замка. Что ж, довольно деликатно. А захваченного ли? Пока статус Белого Ковеля – и ее самой тоже! – совершенно не ясен. Да и шведы эти ведут себя скорее как путники, застигнутые непогодой и просящие приюта, нежели как завоеватели. Что ж, будем вести себя соответственно. Даже если это иллюзия, то она рада такой передышке.

На чем они там остановились? Ах да, верительные грамоты и все такое! А вот ее представить вновь прибывшим некому, придется это делать самой. И заодно проявлять гостеприимство – раз уж ее никто не торопится убивать. Катерина незаметно перевела дух и сообщила, стараясь, чтобы голос звучал ровно и отстраненно:

– Катерина Радзивилл. Урожденная Сангушко. Если вам будет удобно, можете занять главную вежу у ворот. Там пять этажей, жилые покои с каминами, библиотека. Башня имеет отдельный вход и соединяется с караульной, где, по-видимому, устроилась ваша охрана.

– Благодарю вас, нас это вполне устроит. С вашего поз-

воления... – генерал слегка поклонился, и офицеры, развернувшись, направились к выходу.

Катерина обессилено опустилась на ближайший стул и только теперь смогла разжать судорожно сцепленные пальцы. На тонкой коже ладоней остались полукруглые следы от впившихся ногтей. Этот обмен любезностями ей дорого дался. А ее незваные гости, кажется, не чувствовали никакой неловкости – со стороны, так действительно, обыденное представление хозяйке дома шляхтичей, прибывших на пир. Интересно, это все шведы такие? «Хотя нет, – тут же с горечью одернула она себя, – это мне повезло. Иначе не горели бы города по всему Княжеству». Видимо, Господь решил дать ей шанс спастись. Значит, надо его использовать и бежать при первой же возможности. Пережив ужас неминуемой беды в тот миг, когда тихо открывалась дверь перед шведами, теперь Катерина страстно хотела жить.

В тот день она их больше не видела. Только слышала пару раз, как простучали дробно копыта по мосту через ров, окружавший замок. Очевидно, генерал налаживал связь с оставшимися в Смоленых солдатами. Или им привезли провиант. А вот Катерина осталась без ужина. Служанка все еще где-то пряталась, а может, и вовсе улизнула из замка, а за припасами в подвал она так и не спустилась. Впрочем, ей и не хотелось есть.

Вечер, такой же пасмурный, как и день, незаметно перешел в ночь. Катерина прошла в спальный покой – послед-

ний в анфиладе на ее этаже. Закрывая за собой дверь, задержалась в нерешительности и все же заперла ее на ключ, хотя обычно этого не делала. «Спать в открытой комнате, когда дом полон мужчин небезопасно», – попыталась обосновать она свое импульсивное решение и тут же поморщилась. Кажется, эта мысль недостойна шведов, они вели себя безупречно. По крайней мере, пока что. Да и не думала она так на самом деле. Ну, тогда неприлично. Чтобы не только у посторонних, но даже у самой себя не возникала мысль о том, для чего это дверь в спальню молодой женщины остается незапертой в ночи. «Да, так правильнее», – кивнула она самой себе и забралась на высокую кровать, в такое красивое и такое сырое нынче белье.

Обычно ей требовалось не меньше часа, чтобы наконец-то согреться и уснуть, поэтому, привычно закутавшись, она начала перебирать в уме подробности встречи с генералом Канифером и его свитой. Два шведских офицера почти не запомнились, так, размытое пятно за его спиной. Пожалуй, она бы их и не узнала, встретив где-нибудь не в замке. Генерал, его слова, жесты – Катерина как четки перебирала все нюансы их разговора. Что это он тогда сказал? А какое у него было выражение лица при этом? Ей показалось, или в его взгляде мелькнуло одобрение? Когда она сообразила, что уже в шестой раз мысленно прокручивает сцену в бальной зале, было далеко за полночь. Удивительно, сегодня в стылой постели ей почему-то совсем не холодно, а заснуть все

равно никак не получается. Катерина скинула ноги с кровати и поболтала ими в воздухе. Что ж, на самом деле ничего странного тут нет. Надо откровенно признаться хотя бы самой себе – этот мужчина целиком занял ее мысли. Георг... Она попробовала на вкус его имя. Как пережат камушков на дне спорой речки. Горной речки где-нибудь в холодных шведских скалах. Катерина настолько реалистично ощутила ее обжигающе-холодные струи на своих щиколотках, что непроизвольно поджала ноги. И расхохоталась, с размаху откинувшись на кровать. И, кажется, даже звезды увидела над собой, как будто не полог там был, а искрящееся небо. Давно она не чувствовала себя такой свободной. А сколько не смеялась? Впрочем, это уже и не важно. Согретая своими мыслями сейчас она заснет, предвкушая чарующие сновидения. А завтра наверняка получится увидеть генерала.

Из соседнего покоя донесся шорох, и в ее дверь тихонько то ли постучали, то ли поскреблись. Паника на мгновение схватила Катерину своей противной влажной рукой. И почти сразу отпустила. Нет, кто хотел бы силой войти, тот не стал бы стучать. Да и запоры его не остановили бы. Ну тогда и нечего бояться. Катерина спрыгнула с кровати и бо-сиком подбежала к двери.

– Кто? – шепотом спросила она, зачем-то присев к самой замочной скважине.

– То я, пани – ответил ей почти в ухо Агнешкин голос.

Княжна повернула ключ, и девчонка шмыгнула вовнутрь.

Не забыв снова запереть двери, Катерина зажгла свечу и наклонилась к сжавшейся в углу служанке. Агнешка так тряслась – то ли от холода, то ли от ужаса – что Катерина быстро прошла к высокому узкому шкафчику, отперла его и достала нянькино лекарство «на случай болезни». Та считала крепкую наливку с медом, зверобоем и калиной лучшим средством при любой лихорадке, будь она от страха или же от простуды. Как раз подходящий случай. Катерина налила половинку серебряного келишка⁷, стоявшего тут же, посмотрела на служанку оценивающе и долила его доверху.

– И не страшно было по замку ночью бежать? – Катерина протянула келих девушке.

– Так, пани, в подвале еще горше! – Агнешка всхлипнула и быстро проглотила «лекарство». – Бежимте, пани, куда ночь! Сегодня нас не убили, так завтра словят! А потом саблями изрубят! И в камине потом живьем сожгут! Они же солдаты шведзки!

– Вот глупая! А после того, как сожгут, еще и утопят во рву?!

– Да, пани, – Агнешка согласно закивала головой, – потом еще и утопить могут, они нехристи!

Катерина рассмеялась и пошла к кровати.

– Согрелась? Давай устраивайся спать, светает скоро, – и она дунула на свечу...

⁷ келих (бел.) – бокал, чаша

... – И все же мы надеемся на интересные находки. Часто подвалы служили не только винными погребами или кладовками для запасов провианта, но и просто складами, куда могли отправить вышедшую из употребления посуду, мебель и так далее.

У профессора слегка перехватило дыхание от длинной речи, и один из аспирантов тут же сунул ему в руку бутылочку минералки с уже отвинченной крышкой. Роман глянул на супругу – у той в глазах пряталась улыбка, видимо подумали они об одном и том же: мальчишки неплохо изучили своего увлекающегося шефа.

Спустя почти четыре часа Ольга с Романом, уставшие и местами слегка обгоревшие под полуденным солнцем, устроились на заднем сидении машины вместе с сыном и фотоаппаратом. Машина под чутким руководством Ольгиного отца катила в Минск. Малыш, утомившийся от интенсивного общения с дедушками-бабушками-прабабушками, спал у Ольги на руках, а сама она, привалившись к Ромкиному плечу, вместе с мужем просматривала на дисплее фотоаппарата отснятые кадры.

– И когда ты только успела столько портретов сделать? – удивленно спросил Роман.

– Т-с-с-с! – она кивнула на малыша, и муж продолжил почти шепотом:

– Что-то я не заметил, чтобы историки тебе усердно по-

зировали.

Ольга усмехнулась:

– Это у тебя экскурсионного опыта мало. После того, как поедешь по нашим церквям, где бабки готовы заклевать за один только вид фотоаппарата, научишься снимать от пояса, с опущенной вниз руки, не глядя на объект и даже из-за спины.

Роман тихонько фыркнул и начал листать снимки дальше:

– Слушай, да когда они закончатся?

– Одной рукой все-таки неудобно снимать, всегда есть вероятность, что кадр смажется или обрежется. Вот я щелкала по нескольку раз, чтоб уж наверняка.

– А-а-а! – преувеличенно облегченно вздохнул ее супруг, – а я уж ревновать собрался, подумал, очаровали тебя эти мальчишки.

– Да уж, очаровали! Глаза б мои их не видели!

Ольга вздохнула, отодвинулась от Романа и уставилась в окно.

– Что, Олюнь, помешали тебе эти историки? – тут же сочувственно приобнял ее муж. – И сами клад не ищут, и другим людям не дают! Прямо собаки на сене!

В голосе супруга явно проскальзывали смешки. Насмехается?! Ладно-ладно, сейчас посмотрим, кто кому нос утрет! Она еще раз мысленно прокрутила в голове сцену знакомства с профессором и его аспирантами, убедилась в своей правоте и хитро улыбнулась.

– Ну-ка, что за каверзу ты мне готовишь? – тут же отозвался Роман.

– Я на сто процентов уверена, что они как раз таки ищут. И именно сокровища! А теперь примени свою хваленую наблюдательность и обоснуй мои выводы!

Роман на минуту задумался, а потом удивленно поднял брови, что, по-видимому, должно было обозначать капитуляцию.

– Ты обратил внимание, с какой кафедры эти господа? – выдала подсказку Ольга, не стала дальше мучить мужа. И, заметив мелькнувшее в его глазах понимание, кивнула: – То-то и оно. Кафедра этнографии и фольклора. А не археологическая или еще какая-нибудь в этом роде. А по моему скудному разумению, фольклористам выкапывать в земле абсолютно нечего, им с живыми людьми общаться надо. А вот услышать где-нибудь в деревне легенду о сокровищах они как раз таки могли. И теперь проверяют.

– Вполне такое может быть, – кивнул Роман. – Но прежде чем делать выводы, надо поинтересоваться сферой научных интересов профессора. Взять, например, в библиотеке докторскую диссертацию Крашевского. В список использованных источников, как правило, включают все собственные работы. Посмотрим их и решим, есть ему что делать на раскопках, или это действительно замаскированные под научные изыскания поиски сокровищ. Кстати, диссертация может быть защищена довольно давно и, как следствие, не со-

всем полно отражать количество его публикаций. Так что лучше попросить такой список у его аспирантов. У них он наверняка будет – первое, что начинают читать аспиранты, это труды своего научного руководителя.

Интонация предполагала продолжение, и Ольга подозрительно покосилась на мужа. Так и есть, опять ухмыляется! Хотя и делает вид, что усердно просматривает оставшиеся снимки.

– Ну-ка договаривай!

– А я что?! Я ничего! Хотел только сказать – тем более, что тебя уже и в гости приглашали... Ручки там целовали...

Ольга возмущенно заозиралась, а ее супруг торжествующе закончил:

– А нету ничего! Я теперь прежде чем тебя дразнить, на всякий случай все прячу!

2008 год, июль

Вовка в очередной раз приоткрыл дверь и выглянул наружу. Ну что это такое?! Полдня уже убил, времени осталось в обрез, а у него еще и конь не валялся! И чего им всем именно сегодня понадобилось туда-сюда шастать?! То за целый день никого не увидишь, захочешь чаю выпить – и то не с кем, а то прям как на демонстрации! Замучался он уже здесь сидеть! Да еще и запахи – не сказать, чтоб очень приятные! О! Кажется, последний ушел! Подождем еще минутку-другую, и можно двигать.

Он пошире распахнул дверь, оглянулся еще раз на всякий случай и шмыгнул через коридор. Один замок. Надо закрыть за собой, на всякий случай, что не застали врасплох. Второй. Тут закрывать, наоборот, не будем – ни к чему нам лишние препятствия на пути к отступлению. И сейф. А вот и ключик к нему! Вот ведь как знал, что понадобится! И при случае сделал запасной! Не то чтобы деньги стырить собирался или, там, еще что ценное. Но, как говорится, запас карман не тянет. Вот и пригодились!

Вставив в скважину приличных размеров ключ и лязгнув замков, Вовка потянул на себя тяжелую дверцу сейфа. Ну, не настоящего сейфа, конечно, со всякими там кодами, как в банке, а такого, простого тяжеленного железного ящика, запирающегося на ключ. И что тут у нас имеется? Он при-

нялся быстро перебирать бумаги – благо, их там оказалось не очень-то много – и, найдя нужную, сунул в портфель. Первым делом купил, чтоб солиднее выглядеть! Это ж надо понимать! Совсем другой вид, когда приходит устраиваться на работу человек с представительным кожаным дипломатом, а не с пижонской заплечной торбочкой. Вовка тут же попытался покоситься под стол Антона, где как раз обычно и валялся образчик упомянутой несолидной тары. Вместо этого наткнулся взглядом на ботинки шефа, начищенные до умопомрачительно блеска. Тьфу ты, чуть не поседел, пока сообразил, что самого шефа в них нет!

Опомнившись от секундного ступора, Вовка стал прикрывать тяжело идущую дверцу. Так, а это что там, в глубине? Он запустил руку в довольно вместительное нутро ящика, а затем поднес поближе к глазам добытый предмет. Ух, ты! Класс вещица! Даже его неопытному взгляду видно, что запросить за нее можно побольше, чем за эти бумажки. А выплывшее невесть откуда противненькое ощущение мы запихнем обратно! Стоит только представить солидную пачечку свободно конвертируемой валюты – и от неловкости и следа не останется!

Заглушив все сомнения, Вовка принялся тщательно вытирать дверцу сейфа подолом рубашки. На всякий случай, а то мало ли как дело повернется – вдруг милиция, отпечатки пальцев. «Собаки», услужливо продолжил образный ряд его внутренний голос, заставив своего хозяина слегка со-

дрогнуться.

Покончив с необходимыми мелочами, Вовка выскочил за дверь и, с трудом удержавшись, чтобы не рвануть все-таки в общажную столовку за молотым перцем от возможных хвостатых преследователей, снова юркнул в туалет. Кажется, все обошлось. Хорошо, что сортир так удобненько расположен – напротив и чуть наискосок, как раз дверь кафедры видна. И придумал он здорово – всем подробно и обстоятельно доложил, что идет в библиотеку и будет только к вечеру. А сам зарулил в библиотеку буквально на пару минут, только чтобы проштамповать время своего прибытия на квитке – уж если фабриковать алиби то всерьез. Еще не хватало – если начнется разбирательство – погореть на такой мелочи, как несовпадение времени прибытия в читальный зал с предполагаемым временем ухода с кафедры. Или вовсе отсутствием записи о посещении книгохранилища! В общем, молодец он. Теперь надо еще успеть просмотреть бумажки. Хоть и видел он их сто раз, а все же лучше убедиться, что не продешевил. И, пожалуй, лучше запереться в кабинке – от случайного посетителя. Хотя ясно, что удобств это не добавит.

Вовка достал из портфеля шесть страниц, заботливо склеенных скотчем в один большой лист. Отксерокопированный с какого-то старинного чертежа план замка. Лучше, конечно, было бы отксерить все это еще разок, а первый экземпляр вернуть на место – тогда уж точно ни у кого никаких подозрений и не возникло бы. Но времени нет просто ката-

строфически. Интересно все-таки, за что такие деньжищи пообещали? Может, какие тайные знаки имеются? Пометки? Он попытался развернуть план во всю ширь, но узкое пространство кабинки не предназначалось для столь масштабных исследований. Вот блин, сам себе проблемы создал! Хотя... А если встать на толчок? Да вот так приподнять? Класс! И места хватает, и стенки свет не заслоняют! Но навряд ли здесь что-то реально найдешь. Это надо оригинал изучать. А перед снятием копии любой дурак догадается нужное отложить в памяти, а на чертеже – бумажкой прикрыть. От всяких посторонних глаз. Вовка чуть повернул план. О-па! А что тут такое? Ему показалось или это тонкий след от карандаша? Ну-ка, ну-ка! Точно, какое-то помещение явно помечено. Наверное, стоит запросить побольше! Он глянул на часы – все, надо бежать, двести долларов уже ждут, не дождутся и тоже нервно поглядывают на время.

Осталась одна проблема – не встретить никого по дороге к выходу, а то все его скрупулезное алиби отправится ко-ту под хвост. «Кстати! А выйдем-ка мы через Президиум! И вероятность встретить там кого-то из наших практически равна нулю, и до библиотеки рукой подать! А на счет увеличения суммы – это идея!».

Без пятнадцати девять Роман вышел из метро. Чугунная решетка Академии наук буквально в двух шагах, но все же следует поторопиться, до здания самой библиотеки идти еще

метров двести. Заявки на книги там забирают один раз в час, и если успеть сделать заказ до девяти, то в десять его уже принесут. А кто опоздал – извините, ждите еще час!

Он миновал парную колоннаду Президиума, толкнул тяжелую, почти в два человеческих роста калитку, и быстро зашагал через скверик, засаженный странным гибридом боярышника и яблони. И что это в ботаническом саду вырастили? Как это теперь прикажете называть? Боярояблоней? Или яблоряшником? Не понятно. Хоть бы таблички повесили!

В библиотеке он быстро выяснил, где находится перечень имеющихся диссертационных работ и буквально за пять минут нашел в картотеке докторскую профессора. Вот она. Роман тщательно переписал сведения на бланк. Крашевский Я. С. «Этноконфессиональные и социокультурные стереотипы на территории современной Беларуси в X – XVIII веках». Еще через минуту библиотекаряша проштамповала заявку и положила ее поверх пухлой стопки таких же бумажек. Значит, заказы еще не забирали. Роман глянул на часы – без трех девять. Отлично, как раз успел! Только теперь образовался целый час свободного времени. И что предпочесть? Махнуть одну остановочку на метро в ЦУМ и покопаться в отделе игрушек? Или зайти в «Академкнигу»? Посмотреть стихи для малышей? «А, пожалуй, при должной расторопности папка успеет и одно, и второе!».

В читальном зале вернувшийся Роман расположился в весьма хорошем настроении. А вы бы не были довольны со-

бой, если бы в портфеле лежала новая машинка и три книжки? Под такое и все триста страниц диссертации осилить можно, не то что жалкий список работ в ее конце! Так что можно приступать. Что там наваял кандидат исторических наук Крашевский для присвоения искомой докторской степени? Обложка из дерматина протестующе скрипнула, когда Роман принялся перелистывать страницы. Непохоже, чтобы диссертацию кто-нибудь открывал с того момента, как ее сдали в библиотеку. Впрочем, тем лучше. Если здесь имеется разгадка тайны, что так взволновала его Ольку, то количество посвященных в нее по-прежнему стремится к нулю.

Роман углубился в изучение длиннющего списка литературы, особенно вчитываясь в названия статей, написанных самим Крашевским. «Фольклорные традиции Великого княжества Литовского в польских хрониках XVI века»... «Белорусская фольклористика: Эпоха феодализма»... Палец быстро скользил по строчкам, пробегая название за названием. Он успел просмотреть пять страниц, прежде чем на шестой споткнулся об искомое слово. Есть! Вот оно: «Адчыніся, таямніца часу: Смалянскі скарб»/Спадчына. 1999, №3»⁸. Значит, все-таки Олька права! Честно говоря, даже немного дух захватило! Одно дело – строить догадки и предположения, основываясь на таких мелочах, как название кафедры, и совсем другое – когда вот оно, написано это слово «скарб». Роман с трудом подавил желание немедленно по-

⁸ «Откройся, тайна времени: Смолянский клад»/Наследие. 1999, №3

звонить жене, черкнул в блокноте порядковый номер статьи – девяносто семь – и вернулся к списку. Вдруг приятные сюрпризы на этом не заканчиваются? Он тщательно просмотрел остальные работы и вынужден был констатировать – увы, больше ничего похожего, никакого упоминания Смолян. Но и так неплохо!

Он перелистал страницы диссертации в поисках ссылки [97] и нашел нужный абзац: «Большая часть населения Великого княжества Литовского жила в сельской местности, поэтому для нее единственным способом сбережения денег было сохранение их в земле, обычно в границах жилого или хозяйственного строения. Прятали клады в таре различного рода: посуде, шкатулках, кожаных свертках, деревянных колодах и т. д. Часто упаковка была комбинированной, например, полотняный сверток с монетами помещался в глиняный горшок, и тому подобные варианты [97 – 102]».

И это все?! Роман еще раз перечитал отрывок, просмотрел пару следующих страниц в поисках повторной ссылки на ту же работу и отложил диссертацию. Да уж. Никакой конкретики. Даже упоминания самих Смолян нет, не то что историй про зарытые сокровища. Хорошо, что Ольку не успел обрадовать – и здесь пусто, возможно, и сама статья ничего не даст. Но для очистки совести просмотреть ее надо.

Выписав выходные данные на бланк, он с сомнением уставился на бумажку. Это что, опять ждать час-полтора, пока принесут заказ? Впрочем... А не заглянуть ли в зал перио-

дической литературы? Можно попробовать! Только вот еще одно небольшое дельце. Так, на всякий случай.

Через пятнадцать минут он сдал диссертацию профессора и поднялся на следующий этаж. И тут ему действительно повезло – подписка на «Спадчыну» за последние десять лет в самом деле находилась на стеллажах зала, а не в хранилище, так что после пары необходимых формальностей Роман уже разворачивал журнал.

Итак: «Цяжка сабе ўявіць чалавека, абыякавага да захапляючых гісторый аб незлічоных багаццях, што схавалі некалі людзі ў змрочных пячорах ці сутарэннях, у зруйнаваных замках ці касцёлах. Вось чаму тэма скарбаў трывала ўгрунтавалася ў фальклору. Скарбы ў вуснай народнай творчасці падзяляюцца на злыя і добрыя. На першыя накладаецца заклён ад чужых рук і, як правіла, яны прыносяць бяду новым гаспадарам ці, нават, тым, хто толькі спрабуе імі завалодаць. Менавіта такі скарб, па легендзе, існуе ў Смальянскім замке. Згодна павер'ю, старая ведзьма прачытала заклён па старажытнаму світку, кінула на зарыты скарб трохдохлых жабянят, і разлілося над скарбам возера...»⁹

⁹ Трудно представить себе человека, равнодушного к захватывающим историям о несметных богатствах, спрятанных людьми в мрачных пещерах или под земельях, в руинах замков или костелов. Вот почему тема кладов прочно обосновалась в фольклоре. Клады в устном народном творчестве делятся на злые и добрые. На первые налагается заклятие от чужих рук и, как правило, они приносят беды новым хозяевам или даже тем, кто только пытается ими завладеть. Именно такой клад, по легенде, существует в Смольянском замке. Согласно поверью, старая ведьма прочитала заклятие по старинному свитку, бросила

на зарытый клад трех дохлых лягушат, и разлилось над кладом озеро...

1708 год, июль

...Постепенно ее сосуществование с новыми жильцами замка вошло в более-менее размеренную колею и даже приобрело некоторые черты приятности. По утрам, в чем бы она никогда не призналась, Катерина уходила в небольшую, скудно обставленную комнатку на втором этаже восточного крыла. Она с трудом представляла себе назначение этого помещения, но оно имело одно неоспоримое преимущество – окна комнатки выходили прямо на мощеную площадку, которую шведы облюбовали для своих экзерсисов. Высокие замковые стены закрывали эту часть внутреннего двора от утреннего солнца, и его лучи не мешали упражняться им сначала на саблях, потом на шпагах, а под конец – и на кинжалах. Узкие панталоны обтягивали сильные бедра, ботфорты плотно облегли мышцы икр, под кожей обнаженных спин перекачивались мускулы. Впрочем, Катерина смотрела только на одну спину – ту, по которой в такт движениям корпуса рывками двигалась короткая светлая косица. Противник генерала Канифера – она уже знала, что этого молодого шведа зовут Густав – ее совершенно не интересовал. Хотя и он стройным станом да грациозностью движений весьма выгодно отличался от большинства местных шляхтичей, приобретающих уже в весьма небольшие лета несколько округлую фигуру из-за невоздержанности в еде на постоян-

ных пирах. Но все же Густав слишком тонок, слишком гибок, слишком юн для мужчины. Этаким нежный побег, которому еще только предстоит превратиться в могучее дерево. Да и не в этом дело. Шведы в очередной раз поменялись местами во время своих упражнений, и Катерина поспешно отвернулась. Смотреть со спины на генерала – это одно, а вот... Словом, на большее она пока не отваживалась. Даже эта спина волновала ее слишком сильно. Хотелось накинуть тонкое полотенце на мощные плечи. Провести по нему рукой, чтобы ткань впитала выступивший пот. А он откинет назад голову и будет расслаблено принимать заботу. И мышцы, остывая, будут чуть подрагивать под ее пальцами. А потом он оглянется на нее и благодарно поцелует руку, лежащую на его плече. Улыбнется серыми глазами. И повернется к ней, притянет за талию к себе... Катерина быстро отошла от окна и прижалась лбом к холодной стене. Она не знала, что делать с этим невесть откуда свалившимся желанием. За прошедшие три недели она смирилась со своей увлеченностью – Катерина даже мысленно не смела произносить слово «любовь». Генерал волновал ее своим умом, образованностью, опытом, наконец. И это было понятно – она готова была принять свое восхищение этим человеком. А вот что делать с мыслями, которые неизбежно возникают от вида его обнаженной спины, она решительно не знала. И все равно каждый день приходила сюда.

Такой же традицией стала ежевечерняя трапеза в бе-

лой каминной зале, наконец-то протопленной и избавленной от сырости. Генерал учтиво приглашал ее к ужину, они усаживались по разные стороны небольшого, красиво сервированного стола и разговаривали по несколько часов кряду. Получивший блестящее образование в университете Упсалы, попутешествовавший по Австрии, Италии, Франции, Георг Канифер был прекрасным собеседником. И на целый вечер Катерина, наслаждавшаяся общением с генералом, забывала о его обнаженной мускулистой спине, терзавшей ее воображение весь день.

За окном от потемневшей росной травы поднимались сумерки, спеша поглотить еще золотившиеся в вечерних лучах верхушки деревьев. А вот уже и кроны из зеленых стали почти черными, и только фиолетовое небо еще выдавало присутствие солнца где-то там, у самого горизонта. Катерина отвернулась от окна. Наверное, стоит зажечь свечи. Хотя обычно ей не приходилось этого делать до ужина. А сегодня что-то нежный Густав никак не идет сказать ей: «Генерал вас просит спуститься». Катерина улыбнулась, вспомнив молодого шведа. Он произносил всегда только эти слова, но выговаривал их тщательно и без малейшего акцента – наверное, Канифер потратил немало времени на это достижение. Чтобы чем-то себя занять, она отнесла подсвечник к ларцу и стала перебирать драгоценности – сначала машинально, а потом уже с вполне определенной целью. Кажется, вот эти три

жемчужных аграфа замечательно подойдут к ее наряду. Катерина застегнула по одному украшению на лифе и рукавах платья и вытянула вперед руки, чтобы оценить эффект – матовый жемчуг на темно-сиреневом шелке смотрелся идеально. Больше заняться было нечем. Почему же не идут от генерала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.